

ПРАВА ЛЮДИНИ В УКРАЇНІ

Інформаційно-аналітичний бюлетень

Українсько-Американського

Бюро захисту прав людини

Випуск 2

Київ – Харків

1993

ЛЮДИНА І НАЦІЯ

Права человека и межнациональные отношения в Украине

Научно-аналитический доклад

Е.И.Головаха, Н.В.Панина,

Украинско-Американское Бюро защиты прав человека

Драматическая попытка ряда новообразованных государств на территории бывшего СССР, в том числе и Украины, присоединиться к цивилизованному мировому сообществу на основе реального, а не декларативного признания демократических прав человека является одним из важнейших факторов наметившейся в последнее время тенденции укрепления демократических основ существования и развития человечества в противовес идеологии и практике тоталитаризма, социально-классовой и национальной нетерпимости. Поиск выхода из исторического тупика, в котором вместе с другими создателями и жертвами коммунистической системы оказался и народ Украины, казалось бы, достаточно прост: присоединившись ко Всеобщей декларации прав человека и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и к Международному пакту о гражданских и политических правах, а также более чем к ста международным правовым актам, регулирующим отношение к проблеме прав человека, неукоснительно следовать букве и духу этих нормативных документов. Однако путь к правам и свободам человека, который после Второй мировой войны был уверенно проложен на бумаге, оказался извилистым и тернистым в противоречивом мире, где строгие ревнители свободы и равенства людей из развитых стран Запада в своих собственных странах находят обширную практику для защиты ущемленных прав и интересов различных социальных групп. Речь, разумеется, не о преследованиях по политическим мотивам, в чем с упоением обвиняли западную демократию советские идеологи на анекдотических примерах несправедливого отношения к Анжеле Дэвис или голодавшему почти год доктору Хайдеру. И без политики есть достаточно проблем, которые не могут не волновать правозащитников: положение национальных меньшинств, женщин, пожилых людей, больных и вирусоносителей СПИДа, иммигрантов, гастербайтеров, малоимущих и представителей ряда других социальных групп, над которыми постоянно висит дамоклов меч дискриминации даже в развитых демократических странах.

Не случайно на состоявшейся в Страсбурге в начале 1993 года международной конференции «Права человека на заре XXI столетия» отмечена эволюция самой концепции прав человека, которая от ее достаточно односторонней политической трактовки переходит к утверждению универсального характера данной проблемы, в которой нераздельны вопросы политических, экономических, социальных и культурных прав, лишь в совокупности обеспечивающих достойное и цивилизованное существование человека и общества.

Ведь и Украина в исторически короткий срок практически избавилась от политических структур и институтов, которые в недавнем прошлом держали в постоянном страхе перед политическими репрессиями все население, а отдельных диссидентов жестоко преследовали по неправовым законам и без всякого закона, если такова была воля правящей партийной номенклатуры. После отмены политических статей в Уголовном кодексе, а также упразднения цензуры, снятия ограничений на выезд за границу и проведения свободных выборов главы исполнительной власти, казалось бы, оснований для беспокойства за перспективу утверждения прав и свобод человека в Украине просто нет. Однако в условиях углубляющегося социально-экономического кризиса весьма серьезной является угроза выхолащивания демократического содержания целей общественных преобразований, когда в очередной раз наше общество тоталитарным путем пойдет к «светлой цели» при массовой поддержке населения, уставшего от постоянных социальных экспериментов, озлобленного ухудшающимися условиями жизни и ощущающего себя незащищенным в атмосфере затянувшегося кризиса.

Хотя эта угроза остается лишь потенциальным фактором развития Украины, законно избранные власти которой в настоящее время декларируют свою приверженность принципам демократии и соблюдения прав человека, в обществе существует ряд существенных предпосылок если не для реставрации системы тотального бесправия людей, то, по крайней мере, для консервации зачаточной демократии в рамках авторитарного политического режима, государственно-монополистической экономики и насаждения архаичной национально-государственной идеологии, противоречащей интересам как национальных меньшинств, так и ко-

ренного населения, рискующего оказаться в замкнутом и внутренне нестабильном государстве. Среди этих предпосылок прежде всего необходимо выделить объективные условия, связанные с существующей структурой и состоянием экономики, являющейся ничем иным, как полуразвалившейся социалистической системой хозяйствования (а точнее, бесхозяйственности) с безусловным доминированием неэффективного и неконтролируемого властями государственно-колхозного сектора, активно использующего мелкие торгово-посреднические фирмы для превращения безналичных средств предприятий и организаций в наличные, в объеме, превышающем возможности производства, и стимулирующие ускорение темпов инфляции.

Второй предпосылкой является сохранение почти в полном составе у основных рычагов законодательной и исполнительной власти старой номенклатуры, хотя и сменившей цвет знамен, но не утратившей вкуса и навыка руководствоваться в практике идеологическими, а не прагматическими принципами. В свою очередь, основная часть первоначально оппозиционных коммунистам сил, имеющая определенный политический вес и влияние (национально-демократические партии и движения), среди всех проблем, в том числе и проблемы прав человека, отдают приоритет укреплению национальной государственности, руководствуясь при этом достаточно жесткими этатистскими принципами.

Третьей предпосылкой является остаточная тоталитарная политическая и правовая культура общества и соответствующий уровень массового политического и правового сознания населения. Наверное, больше нигде в мире в такой всеобъемлющей форме не существовала конфронтационная стратегия выживания, в соответствии с которой любой созидательный процесс рассматривался, как борьба. И не только против вездесущих внешних и внутренних врагов, но и как борьба «за»: за выполнение и перевыполнение планов, за мир и дружбу между народами, за урожай и т.п. Принцип борьбы на всех фронтах сформировал своеобразную «окопную психологию», которая до сих пор подсказывает каждому, кто хочет выпрямиться и поднять голову, что это крайне опасное занятие, и до общего «сигнала к атаке» лучше не высовываться. И горе ждет ту суверенную часть бывшего Союза, в которой этот сигнал подадут политики, одержимые страстью к самоутверждению через утверждение идеи величия нации. Ведь до сих пор, судя по результатам социально-психологических исследований, ценности борьбы оказываются для многих людей более значимыми, чем ценности созидания.

Характерной чертой массовой психологии и сознания политиков является феномен «выученной социальной беспомощности», корни которого – в длительном периоде тотального государственного патернализма, в условиях которого формировался базисный тип личности с неспособностью принимать на себя ответственность не только за общество, в котором живет, но и за собственную жизнь в этом обществе. Сформированная коммунистической теорией и практикой система общественных связей продолжает и поныне воспроизводить феномен выученной социальной беспомощности. Только вместо бездумного принятия идеи «всемогущества партии в движении к светлому будущему» возникла и получила не менее широкое распространение идея, что само по себе изгнание «коммунистического дьявола» приведет в райские демократические кущи без непривычного для общества предельного напряжения сил.

Широкое распространение имеет посттоталитарная амбивалентность (двойственность) сознания с конформно-нигилистической направленностью. Обладая таким типом сознания, человек вполне может одновременно выступать за рыночную экономику и твердые цены, за свободу перемещения и сохранение разрешительного режима прописки, за полную независимость Украины и против ее выхода из Союза. Вспомним мартовский референдум 1991 года, когда население Украины не высказалось за федерацию и за конфедерацию одновременно. Это яркий пример конформно-амбивалентного типа реакций, когда люди готовы поддерживать взаимоисключающие позиции, руководствуясь принципом «хто пита, той зна». Но от конформизма – один шаг к негативизму, когда отвергаются любые альтернативы. Таково сознание нигилистически-амбивалентного типа, который является предпосылкой бунта, анархии и хаоса. И даже тот факт, что население Украины почти единодушно поддержало Акт о независимости на декабрьском референдуме, отнюдь не означает, что такое же единство будет сохраняться и в дальнейшем национально-государственном строительстве. Ведь опросы, проведенные незадолго до референдума, показывали, что около половины населения в той или иной форме поддерживали идею участия Украины в возрождении Союза. И если независимость начнет ассоциироваться в сознании людей с обострением кризиса, враждой и утратами, то вполне можно ожидать усиления сепаратистских тенденций в ряде регионов и обострения межнациональных конфликтов, которые в условиях посттоталитарного общества являются главным источником нарушения прав человека, прежде всего его права на жизнь и сохранение гражданского и человеческого достоинства.

Проблемы межнациональных отношений являются весьма актуальными для нового независимого государства – Украины, на территории которой вместе с украинцами проживают представители десятков национальностей. И хотя в Украине не было открытых конфликтов на почве межэтнической вражды, очаги напряжения все же возникали в различных регионах и по различным причинам: проблема переселения и адаптации крымских татар, обеспокоенность населения русскоязычных регионов возможными последствиями «украинизации Украины», проблема закарпатского русинства, распространение идеи возрождения Новороссии и т. д.

Возникновение подобного рода проблем проще всего можно было бы объяснить «происками партийно-бюрократической мафии», и, судя по данным опросов общественного мнения, в первые два-три года перестройки все трудности и издержки, неизбежно связанные с преобразованиями государственной системы, массовым обыденным сознанием списывались преимущественно на этот фактор. Однако опыт тех республик, в которых к власти пришли «так называемые демократы», показал, что демократические лозунги (и даже де-

мократические цели) не являются панацеей от проявлений крайнего национализма и не способны сами по себе придать процессам национального возрождения цивилизованный характер.

Учитывая весомость социальных предпосылок развития Украины по неблагоприятному с точки зрения прогресса в области защиты прав человека сценарию, задачей правозащитного движения является не только и не столько традиционная практика фиксации конкретных случаев ущемления прав и свобод отдельных людей и мобилизации общественности на восстановление нарушенных прав, но и активная разработка стратегии защиты прав населения и его отдельных категорий, а также прав личности в специфических условиях посттоталитарного развития общества, переживающего глубокий экономический кризис и испытывающего постоянное напряжение в сфере межнациональных отношений. Эта стратегия должна включать следующие основные направления:

1) разработка общих принципов социальной политики государства и гражданского общества, направленных на повышение уровня социальной защищенности населения;

2) разработка программы формирования правового сознания населения и представителей власти, включающей элементы как правового просвещения и воспитания, так и политической социализации, формирования гражданского сознания демократического типа;

3) обоснование принципов и средств гармонизации межнациональных отношений, формирования национальной толерантности как важнейшей предпосылки сохранения межнационального мира.

Обоснование и детальная разработка предлагаемой стратегии правозащитного движения требует проведения значительной предварительной работы:

1) углубленного анализа теории и практики социальной защиты населения в развитых демократических странах;

2) изучения опыта деятельности международных и национальных правозащитных организаций;

3) обобщения результатов работы по защите прав человека в Украине (исторического опыта и актуальной ситуации);

4) анализа современного состояния массового политического, экономического и правового сознания населения, его отношения к перспективе построения правового демократического государства и цивилизованного развития межнациональных отношений.

Реализация последней задачи и составляет основную цель данного научного доклада, подготовленного на основе ряда социологических исследований, проведенных в Центральном-Украинском отделении Всесоюзного центра изучения общественного мнения и Институте социологических исследований Академии наук Украины под руководством и при участии авторов доклада в течение 1990-1993 гг. Мы убеждены, что без учета фактора массового сознания и общественной психологии, оказывающего противоречивое воздействие на становление государства и формирование гражданского общества, обречены на фиаско как локальные правозащитные акции, так и попытки создания стратегии правозащитного движения в Украине и других государствах, декларирующих разрыв с тоталитарным прошлым и ориентацию на демократическое будущее.

В соответствии с вышесказанным, в докладе представлен аналитический материал, структурированный по основным позициям, раскрывающим особенности массового сознания в посттоталитарном обществе:

1. Социально-экономические ориентации населения Украины.

2. Политическая ситуация в Украине и ее отражение в ориентациях электората.

3. Национальная толерантность и положение национальных меньшинств.

4. Социальная защищенность и общая правовая культура населения.

5. Отношение населения к социальному протесту и собственному участию в правозащитной деятельности.

1. Социально-экономические ориентации населения как предпосылка глубинной трансформации общества

Характерной чертой современной социально-экономической ситуации в Украине является постоянное снижение уровня доходов большинства населения, испытывающего мощное давление инфляционных процессов и спада производства товаров массового потребления. В опросах общественного мнения эта тенденция четко зафиксирована по субъективным оценкам респондентов, представляющих различные категории населения во всех регионах Украины. В настоящее время массовое обнищание населения становится реальностью, оказывающей существенное воздействие на формирование экономического сознания людей, их отношения к процессу обновления общества.

В проведенных нами исследованиях обнаружено, что чем ниже самооценка дохода, тем более негативно люди воспринимают деятельность существующего правительства, его экономический курс, и тем более положительно оценивают прежнее правительство (эпохи «застоя»). Отсюда очевидно, что дальнейшее снижение жизненного уровня населения будет приводить к росту ностальгии по старым добрым временам казарменного социализма, к воспроизводству стереотипов уравнилельной психологии, которые в настоящее время и так широко распространены в структуре экономических ориентаций населения. В связи с этим в наших исследованиях получен весьма важный результат, свидетельствующий о том, что доминантой массового сознания является ориентация на «равенство в бедности». Так, даже люди с уровнем дохода, значите-

льно превышающим средний (по объективным критериям), как правило, относят себя к среднеобеспеченным, и лишь крайне редко – к группе с доходом «выше среднего».

Ограничительный идеал распределения материальных благ проявился и в том, что лишь менее четверти опрошенных допускают большую разницу в доходах людей. Стоило, однако, изменить формулировку вопроса и вместо понятия «доход» поставить «зарплату», как доля приверженцев неограниченной зарплаты составила три четверти населения. Парадокс? Безусловно, но только с точки зрения человека, имеющего достаточный уровень экономической и политической культуры демократического общества, для которого любой доход из законного источника является мерой трудового вклада, и его величина не регламентируется ни общинными предрассудками, ни идеологическими догмами. Иная культура у человека, сформированного в системе государственно-монополистической экономики, когда единственный легальный источник дохода – заработная плата, полученная от щедрот государства. И если благодетель расщедрился, нужно пользоваться моментом и получить все, что возможно. Так собственно и произошло в результате экономических экспериментов первых лет перестройки, когда были сняты некоторые ограничения на фонд заработной платы, и потребительский рынок рухнул под грузом ничем не обеспеченных государственных миллиардов.

С точки зрения перспективы экономических преобразований в Украине, наиболее тревожный факт, что среди различных социально-профессиональных категорий рассмотренный выше феномен экономического сознания наиболее выражен у руководителей предприятий и организаций, от уровня культуры которых зависит успех экономических реформ. Подобные феномены массового сознания, характерные для общества переходного периода от тоталитарной системы к демократии, во многом определяют непоследовательность развития демократических процессов, возможность поддержки общественным мнением антидемократических тенденций. Менее всего они проявляются в представлении населения о демократии как глобальной цели развития общества. Как показал анализ результатов исследований, подавляющее большинство жителей республики, принадлежащих к различным социальным группам и проживающих в разных регионах Украины, ориентированы на построение демократического общества, основанного на принципах политического и экономического плюрализма, равенства всех граждан перед законом, свободы личности и социальной справедливости. Это обусловлено, с одной стороны, сходством многих декларируемых ценностей социалистической демократии и демократии в общечеловеческом смысле, а с другой – стойкой ассоциацией в сознании людей демократии западного образца с высоким уровнем жизни населения.

В относительно недавнем прошлом, когда социализм еще претендовал на мессианскую роль, а о социалистической демократии можно было говорить без иронии как о системе власти, ставящей во главу угла равенство и справедливость, даже в западной политологии было принято воздавать должное демократии социалистического образца как ориентиру для тех общественных сил, которые радикально настроены на динамичное развитие общества. Что же осталось от бывшего величия социализма как символа прогресса и социального равенства? Если судить по мнениям и оценкам людей, которые всю свою сознательную жизнь пользовались этими благами социализма, то можно смело утверждать, что лучшие времена социалистической идеи уже позади. По крайней мере, сравнивая капиталистическую экономику, основанную на свободе предпринимательства, и социалистическую, свободную от частной собственности, люди по основным позициям отдают предпочтение капиталистической системе хозяйствования (см. табл. 1).

Таблица 1. Характеристики различных типов экономики населением Украины в январе (N1=1739) и ноябре (N2=1752) 1991 года, %¹

Характеристики экономики	Капиталистической экономике присуще		Социалистической экономике присуще	
	1	2	1	2
Свобода	67	63	37	28
Богатство	85	83	30	21
Справедливость	39	36	28	21
Дефицит	15	11	78	78
Гуманизм	42	32	37	26
Эффективность	77	72	29	19
Неравенство	72	65	62	61
Угнетение	55	51	47	49
Эгоизм	63	54	59	54
Техническое развитие	86	82	40	31
Прогресс	81	75	36	24

Итак, богатство, свобода, отсутствие дефицита, техническое развитие, эффективность и прогресс – те черты капиталистической экономики, которые, по мнению большинства респондентов, не присущи социа-

¹ Опрос проводился дважды в течение 1991 г. по единой программе с использованием анкеты, подготовленной венгерскими социологами Я.Шимоном и Л.Брустом и адаптированной в Институте социологии АН Украины. Выборка репрезентировала взрослое население Украины по основным социально-демографическим показателям.

листической системе хозяйствования. Что же касается традиционных идеологических ярлыков – угнетение, эгоизм, неравенство, – то этими пороками люди в равной мере наделяют обе экономические системы. Причем в течение года по ряду позиций (справедливость, прогресс, эффективность, гуманизм, свобода) социализм потерял немало поклонников, утратив остатки благородного образа защитника интересов трудящихся, который жертвует обывательским благополучием ради справедливости, равенства и социального прогресса. Если судить по рассмотренным выше оценкам двух экономических систем, то вывод о предпочтении населением Украины капиталистической системы не покажется необоснованным.

Этот вывод вполне согласуется и с ответами респондентов на вопрос, согласны ли они с тем, что Украине необходим такой же тип развития, как и в западных странах. К тому же, общая установка на западный тип развития подкрепляется и представлениями о возможностях самореализации в различных экономических условиях. Отвечая на вопрос о том, чего бы они достигли, если бы жили в одной из западных стран, 48 % указали, что достигли бы большего, 11 % – что жили бы так же, как и сейчас, и только 4 % – что жили бы хуже (37 % затруднились ответить).

Казалось бы, политический выбор большинства населения ясен. Однако достаточно взглянуть на данные, представленные в таблице 2, чтобы развеялись иллюзии относительно однозначности выбора между последовательным движением к Западу и ностальгией по Востоку.

Таблица 2. Отношение к западному типу развития и капиталистической экономике в январе (N1=1739) и ноябре (N2=1752) 1991 года, %

Суждения	Согласны		Не согласны		Затруднились ответить	
	1	2	1	2	1	2
Нашей республике необходим такой же тип развития, как и в западных странах	54	56	19	12	27	32
Решению основных проблем Украины будет способствовать капиталистическая экономика, основанная на свободе предпринимательства	42	44	26	13	32	43
Наилучшей системой для Украины является капиталистическая экономика, основанная на свободе предпринимательства	36	34	33	20	31	46

Все представленные в таблице суждения касаются, в общем-то, одного и того же вопроса: необходимости изменения общественного строя, перехода от привычного социалистического образа жизни к неизведанному западному, который опирается прежде всего на капиталистическую экономику, свободу предпринимательства. И легко заметить, что число сторонников свободной экономики заметно тает по мере конкретизации формулировок, касающихся необходимости «капиталистического выбора». Как видим, массовое сознание до сих пор сохраняет некоторый иммунитет перед проникновением «капиталистической угрозы».

В нашем исследовании была осуществлена типология наиболее общих социальных ориентаций населения по критерию сочетания ориентаций на различные системы экономического и политического устройства. В результате обнаружилось, что каждый четвертый житель Украины твердо высказался за западную демократию, каждый седьмой – за социализм «с человеческим лицом», один из двенадцати – за старую модель тоталитарного социализма, трое из ста – за авторитарный режим фашизоидного типа. Но наиболее значительную группу составили те респонденты, которые не имеют достаточно ясной картины политического или экономического будущего республики. Формирование этой картины является одним из важнейших условий развития экономической и политической культуры населения, создания ориентиров для целенаправленного проявления его социальной активности.

2. Политическая ситуация и электорат Украины: перспектива демократического выбора

В отличие от России, которая после развала Союза сделала решительный шаг в направлении к свободной экономике и разрыву с социалистическим прошлым, на Украине осуществлялась консервативная экономическая и кадровая политика, во многом определившая и конфликтные отношения между двумя государствами. Хотя опасность сохранения старой доброй тоталитарной экономики для независимой Украины не менее серьезна, чем для УССР, в таких действиях украинского руководства был свой резон, ибо реальная власть в Украине принадлежала тем силам, для которых темпы и масштабы российских реформ были неприемлемы, а состояние общественного мнения было таково, что любая решительная акция воспринималась

значительной частью населения с недоверием и скептицизмом. Безответственные экономические эксперименты союзной власти не только преопределили ее полный крах, но и во многом дискредитировали саму идею радикального обновления общества. На этом фоне консерватизм украинских властей приобрел в чем-то привлекательный образ политической мудрости.

С легкой душой запретив себя как коммунистов, руководители с богатым доперестроечным опытом почувствовали облегчение, какое может испытать человек, пытавшийся выбраться из болота с гирей на ногах и неожиданно-негаданно от нее избавившийся. Что же касается лидеров оппозиции, взваливших на свои неокрепшие демократические плечи груз приоритетности идеи национально-государственного возрождения, то попытки облегчить эту ношу поддержкой разумных законов о гражданстве и национальных меньшинствах не смогли полностью убедить население в том, что при демократической власти удастся избежать обострения межнациональных отношений, не довести дело до конфликта с Россией и возникновения центробежных сил, способных вслед за независимым Советским Союзом развалить и независимую Украину.

Дальнейшее развитие политической ситуации привело к утрате доверия населения ко всем без исключения организованным политическим силам. Предпосылки этого были заметны уже в 1991 году, когда большинство населения Украины, выступая за многопартийную систему, выражало весьма скептическое отношение к партиям как политическому институту (см. таблицу 3).

Таблица 3. Отношение населения к партиям в январе (N1 = 1739) и ноябре (N2=1752) 1991 года, %

Суждения о партиях	Согласны		Не согласны		Затрудн. ответить	
	1	2	1	2	1	2
Для развития демократии необходимо наличие партий	64	59	14	11	22	30
Я не вижу различий между существующими партиями	31	41	42	29	27	31
Возможность участия в формировании политики осуществляется посредством партий	52	43	12	12	36	46
Партии служат только для реализации интересов своих руководителей	38	42	33	22	29	36
Демократия включает возможность для коммунистической партии участвовать в выборах, и, если получит требуемое число голосов, она должна быть представлена в парламенте	62	43	11	19	27	38
Среди существующих партий и движений есть такие, которые близки Вам по взглядам	27	19	46	47	27	35

С одной стороны, большинство населения признавало, что для реального участия в формировании политики и развития демократии партии необходимы, а с другой – лишь двое из пяти опрошенных в январе и один из трех – в ноябре видят различие между существующими партиями. Если в начале года около трети опрошенных могли с уверенностью заявить, что партии служат не только интересам своих руководителей, то к ноябрю доля уверенных в этом составила менее четверти опрошенных. При столь критическом настрое не удивительно, что только около четверти жителей Украины в январе и пятая часть – в ноябре видели среди существующих партий близкую по взглядам.

Недоверие к партиям – явление вполне естественное в стране, имеющей многолетний опыт всеобъемлющего правления одной партии, которая стала столь привычным элементом политической жизни, что, как правило, упоминалась без необходимых для других партий определений, а просто и скромно – «партия». И поскольку партия не преуспела в выполнении руководящей и направляющей функции, все нынешние организации, именуемые партиями, должны предпринимать далеко не ординарные усилия, чтобы восстановить доверие к пошатнувшемуся престижу данного политического института.

Что касается популярности различных партий, то наиболее очевидным ее критерием является процент голосов, полученных партиями на выборах. Поскольку последние выборы в Верховный Совет УССР проводились до появления в республике официально зарегистрированных партий, по их результатам трудно оценивать, насколько существующий состав высшего органа законодательной власти отражает реальную расстановку политических сил. Поэтому для характеристики популярности партий рассмотрим распределение ответов на вопрос «Если бы на следующей неделе состоялись выборы, за какую партию вы отдали бы свой голос» Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4. Распределение голосов избирателей в случае проведения выборов в Верховный Совет Украины на многопартийной основе (в % к числу опрошенных)²

Партии	Январь 1991 N-1739	Ноябрь 1991 N-1752	Апрель 1992 N-1752	Январь 1993 N-1528
Компартия Украины (Социалистическая партия после запрета КПУ)	27	4	2	2
Демократическая партия Украины	6	9	4	2
Партия зеленых Украины	5	7	5	2
Партия демократического возрождения Украины	3	4	3	0
Народная партия Украины	3	3	1	0
Украинская республиканская партия	2	4	7	2
Украинская христианско-демократическая партия	1	1	1	1
Украинская крестьянско-демократическая партия	1	2	1	0
Прочие (каждая менее 1 %)	3	6	5	5
Не ответили, затруднились ответить, не голосовали бы	49	60	76	77

После августовского путча и запрещения компартии недоверие к коммунистической партии, как и следовало ожидать, существенно возросло. Однако наряду с этим значительно возрос уровень недоверия к партиям как к политическому институту в целом. Учитывая, что партии являются одним из основных политических институтов демократического общества, падение уровня доверия к данному институту можно интерпретировать, как шаг назад на пути демократизации.

Особую тревогу вызывает заметное в последние годы снижение доли избирателей, имеющих определенную политическую позицию. Развитие этой тенденции делает политический выбор электората Украины непредсказуемым, а перспективу демократического выбора неопределенной. Этому помогают и сами политические партии, не способные определить свою политическую позицию и легко отказывающиеся от последовательной демократической ориентации при тех или иных внешне- и внутривнутриполитических маневрах пражавшей ныне старой номенклатуры в союзе с политиками ортодоксально-национальной ориентации. В этих условиях на будущих выборах в парламент могут получить значительное преимущество регионально ориентированные политики, во главу угла ставящие узкие региональные интересы, и тем самым интересы населения этих регионов. При таком повороте событий риск межрегиональных и межнациональных конфликтов может возрасти. Острота этих конфликтов во многом будет определяться общим уровнем национальной толерантности населения и особенностями положения национальных меньшинств.

3. Межнациональные отношения, национальная толерантность и положение национальных меньшинств

3.1. Проблемы национальной толерантности

Чтобы разобраться в сложной и противоречивой картине межнациональных отношений и определить особенности и закономерности формирования культуры отношения людей к представителям других национальностей, недостаточно располагать фрагментарными данными, полученными в ответах на отдельные вопросы, включаемые, как правило, в оперативные опросы общественного мнения по наиболее злободневным социальным проблемам. Углубленный анализ проблемы требует специальных методических приемов, позволяющих измерять уровень общей национальной толерантности. Одной из таких методик является шкала «социальной дистанции» Богардуса, которая позволяет измерять социальную установку человека по отношению к представителям других национальностей – определенную психологическую готовность к сближению или, наоборот, к отторжению людей другой национальности, независимо от их личностных качеств и особенностей. Ответ респондента на вопрос о том, в качестве кого он согласен допустить представителей другой национальности, позволяет определить социальную дистанцию, которую он хотел бы сохранить между собой и данной этнической группой.

² Сумма процентов в третьем столбце превышает 100, поскольку разрешалось выбирать для голосования более одной партии. Данные четвертого столбца относятся к четырем регионам Украины: Киев, Крым, Закарпатье, Львовская обл. Сумма процентов здесь менее 100, поскольку в список кроме партий были включены также «Рух» (7%) и «Новая Украина» (2%).

В апреле 1992 года данная методика использовалась в исследовании национальной толерантности населения Украины. Всего было опрошено 1752 человека, репрезентативно по полу, возрасту, уровню образования, национальности, региону проживания и типу поселения представляющих население Украины в целом. Средняя ошибка репрезентативности составила 2,8 %. Список, представленный респондентам для оценки, включал 16 национальностей: украинцы, русские, белорусы, евреи, ряд национальностей республик бывшего СССР, стран Восточной Европы и Запада, Азии и Африки, а также украинцев, живущих за рубежом (украинская диаспора).

В таблице 5 приведены данные, отражающие отношение населения Украины к представителям различных национальностей. Первые семь колонок слева показывают процент опрошенных, согласных допустить представителя данной национальности на соответствующую социальную дистанцию; последняя, восьмая колонка представляет среднее арифметическое по строке в целом – индекс нетерпимости к соответствующей национальности.

Таблица 5. Отношение населения Украины к различным национальностям³

Согласен допустить представителей данной национальности в качестве... (% ко всем опрошенным, N-1752)								
	Членов семьи	Ближних друзей	Соседей	Коллег по работе	Жителей Украины	Посещающих Украину	Вообще не допускать бы в Украину	Индекс Шкала 1-7
украинцев	79	9	3	1	7	2	0	1.55
русских	43	24	10	3	11	7	2	2.46
белорусов	29	27	14	4	13	12	1	2.85
украинцев диаспоры поляков	24	22	7	4	18	23	2	3.48
евреев	15	22	14	4	12	28	5	3.77
венгров	10	14	15	11	23	18	10	4.18
венгров	9	14	17	5	15	35	4	4.24
американцев	11	13	9	15	10	38	4	4.31
немцев	8	13	9	16	12	37	5	4.43
французов	9	13	8	13	11	41	4	4.45
румын	8	12	13	6	14	38	8	4.56
японцев	4	11	9	19	9	43	4	4.66
крымских татар	3	6	9	5	31	29	17	5.09
грузин	3	8	9	5	16	34	26	5.26
вьетнамцев	2	7	6	9	10	52	14	5.29
арабов	3	6	5	7	11	51	17	5.37
негров	2	6	5	6	11	50	20	5.49
цыган	3	4	7	3	22	26	35	5.55

Полученные данные позволяют ответить на вопрос, возникший в результате предыдущих исследований – почему, несмотря на благополучную в целом ситуацию в области межнациональных отношений, значительная часть населения опасается межнациональных конфликтов. Если попытаться с первого взгляда на таблицу одним словом охарактеризовать психологический статус населения в сфере межнациональных отношений, то, пожалуй, наиболее точной характеристикой будет «настороженность». Ни к одной национальности, включая коренную, мы не видим стопроцентного проявления максимальной толерантности; даже украинцев в качестве членов семьи предпочитают допускать 79%, а русских – менее половины всего населения.

Анализ распределения национальностей на шкале социальной дистанции по индексу нетерпимости (см. последнюю колонку справа в табл.5) позволяет сделать вывод о существовании в сознании населения Украины стремления к некоторой восточно-славянской обособленности: украинцы, русские, белорусы, диаспора и поляки по шкале социальной дистанции имеют индекс менее 4 баллов, что свидетельствует если и не о высокой толерантности, то, по крайней мере, о ее положительном значении.

Ряд национальностей (из включенных нами в общий список – крымские татары, грузины, вьетнамцы, арабы, негры, цыгане) по оценке населения Украины имеют индекс нетерпимости, выходящий за отметку 5 баллов, что с конкретно-содержательной точки зрения означает, что представители этих национальностей массовым сознанием не допускаются в качестве постоянных жителей Украины. Перечень национальностей, попавших из нашего списка в число наиболее отторгаемых, позволяет предположить, что причиной такого

³ Поскольку шкала Богардуса – кумулятивная, при подсчете процента людей, допускающих представителей тех или иных национальностей на определенную дистанцию, нужно процент, относящийся к данному пункту шкалы, сложить с процентами по всем предыдущим пунктам (кроме седьмого, выбор которого определяет полное отторжение другой национальности).

отторжения является связь в сознании населения Украины этих национальностей с угрозой межнациональных столкновений. Таким образом, опасение возникновения национальных конфликтов является, на наш взгляд, не следствием каких-либо событий, вытекающих из объективной ситуации, и не следствием этнической нетерпимости к каким-либо конкретным национальностям, а обусловлено общей осторожностью как одной из базовых психологических черт населения Украины. Скорее именно эта осторожность и приводит, с одной стороны, к недопущению масштабных столкновений на межэтнической почве, а с другой – к формированию «ксенофобии» – опасению и обособлению на этой почве от всех «чужих».

Именно поэтому, на наш взгляд, диаспора (украинцы по этническому происхождению, на которых к тому же возлагались большие надежды, связанные с экономическим становлением независимой Украины) занимает в сознании населения более отдаленное место по сравнению с русскими и белорусами, и выходят за точку шкалы (3 балла), ограничивающую наиболее тесные связи (родственные, дружеские, соседские). В этом контексте – формирование психологии национальной обособленности – большинство национальностей допускается лишь в качестве гостей. Особое место в этом ряду занимают евреи. Если рассматривать данные по Украине в целом (как они представлены в таблице 5), то евреи попадают в группу национальностей, выталкиваемых массовым сознанием за пределы тесных контактов (4 балла). Однако это происходит в основном за счет жителей сел и малых городов, для которых евреи, как и большинство других национальностей, являются достаточно «чужими». Так, например, в Киеве индекс нетерпимости к евреям ниже 4 баллов (3.44 балла), в других больших городах (с населением свыше 250 тысяч) – 3.67 балла, тогда как в малых городах – 4.25 балла, в селах – 4.56 балла.

Таким образом, общая осторожность и сверхпредусмотрительность, позволившая сохранить более или менее прочный мир в Украине, в то время как в других регионах разваливающегося Советского Союза вспыхнули кровавые пожары межнациональной розни, имеет и обратную сторону – формирование и укрепление бесперспективного, с точки зрения построения экономически развитого цивилизованного государства, феномена национально-государственного изоляционизма, складывающегося из психологического обособления практически от всех национальностей, с которыми нет длительного исторического опыта совместного проживания, и отторжения национальностей, образ которых так или иначе связан в сознании с межнациональными конфликтами.

Анализ социально-демографических факторов национальной нетолерантности позволяет на эмпирическом материале подтвердить представление о том, что уровень образования, возраст, тип поселения в достаточной степени сказываются на проявлении национальной терпимости. Если различия по полу не являются значимыми, то, чем выше уровень образования человека, чем он моложе, тем меньше он проявляет общую нетерпимость по отношению к другим национальностям.

Когда возникает вопрос о национальных различиях в отношении к какому-либо социальному явлению, обычно, не задумываясь, пользуются общими национальными или этническими категориями («русские», «украинцы» и т.п.). Результаты же нашего исследования обнаруживают существенные различия в системе отношений (на примере отношения к различным национальностям) у представителей одной национальности, проживающих в разных регионах. Например, украинцы, проживающие в различных регионах Украины, по-разному относятся к различным национальностям, и в частности, к русским и украинцам, проживающим за рубежом (диаспоре). В таблице 6 приведены данные, раскрывающие картину взаимоотношений русских и украинцев с учетом фактора региональной неоднородности установок коренного населения Украины.

Таблица 6. Особенности отношения к украинцам и русским у украинцев, проживающих в различных регионах Украины

Индекс нетолерантности (шкала 1–7 баллов)				
	N	к украинцам	к русским	к украинцам, проживающим за рубежом
Население Украины в целом	1752	1.55	2.45	3.48
Украинцы	1208	1.47	2.64	3.39
Русские	427	1.66	1.82	3.75
Украинцы различных регионов				
Западный	168	1.08	2.71	1.81
Центральный	193	1.13	2.53	3.53
Восточный	363	1.52	2.23	3.74
Южный	135	1.98	3.17	3.85
Крым	17	2.29	2.24	4.29

Хотя группа респондентов, представляющих украинцев Крыма, малочисленна и не может с достаточной статистической достоверностью репрезентировать украинское население данного региона в целом, мы приводим полученные результаты, поскольку они отражают общую тенденцию – снижение самотолерантности украинцев по мере снижения удельного веса украинцев в общей национальной структуре региона. Из этой общей тенденции несколько выбивается южный регион, где, по данным исследования, наблюдается некоторый всплеск нетолерантности к русским (?). Из другой общей тенденции – восприятие русских как бо-

лее близких по шкале социальной дистанции, чем соотечественников за рубежом, – выпадают украинцы западного региона (Галичины), для которых представители диаспоры заметно ближе, чем русские. Таким образом, можно видеть, что украинцы по своим социально-психологическим установкам в сфере межнациональных отношений представляют достаточно неоднородный этнический контингент, что необходимо учитывать не только в дальнейших научных исследованиях, но и при осуществлении социальной политики.

3.2. Положение русских в независимой Украине

Для миллионов русских крушение Союза фактически означает превращение из «национального большинства» в российскую диаспору, в национальное меньшинство, язык, культура и общественно-политический статус которого смещаются на периферию национально-государственных интересов. В связи с этим возникают серьезные проблемы, связанные с психологической переориентацией и самоутверждением в новой непривычной роли «национального меньшинства», которому, к тому же, приходится сталкиваться с проявлением нетерпимости со стороны национал-радикалов, для которых «русская карта» – козырь в борьбе за власть и политическое влияние.

Для русских, живущих теперь уже не «на Украине», а в независимом украинском государстве, новая роль особенно непривычна, поскольку в большинстве регионов Украины они не чувствовали себя и свою культуру «не коренными», что было обусловлено и общими корнями русского и украинского народов, и долгой имперской историей, которая отнюдь не закончилась с наступлением эпохи коммунистического владычества, когда под лозунгами «пролетарского интернационализма» и «расцвета через сближение» осуществлялась стратегия деукраинизации, направленная прежде всего на искоренение любых проявлений «самостийности» как «буржуазно-националистической» идеи, угрожающей «нерушимой дружбе народов». Специфика положения русских в Украине определяется в настоящее время и теми противоречиями между Россией и Украиной, которые проявляются в различных подходах этих государств к темпам и масштабам экономических, государственно-политических и военно-стратегических преобразований. И если учесть, что из двенадцати миллионов русских, проживающих в Украине, около трех четвертей сосредоточены в пяти наиболее индустриально развитых областях (Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Луганская, Харьковская), где они составляют более трети населения, и в Крыму, где русские преобладают, то позиция русского населения этих регионов может иметь принципиальное значение для стабильности политической ситуации в Украине, России и СНГ в целом.

Отсутствие открытых конфликтов отнюдь не исключает существования скрытой напряженности, которая может проявиться в экстремальных условиях и привести к противостоянию политических сил, сформировавшихся по национальному признаку. Судить о том, в какой мере скрытая напряженность характерна для русского меньшинства в различных регионах Украины, каковы особенности социального самочувствия русских, их мнений относительно происходящих в Украине общественных процессов, позволяют социологические исследования.

В главе использованы результаты следующих исследований:

1. Опрос русского населения Украины по программе «Русские в республиках», разработанной ВЦИОМ (август 1991 года). Всего было опрошено 1138 человек (восточный регион – 276, центральный и южный регионы – 200, Галичина – 462, Буковина – 105, Крым – 95).

2. Репрезентативные опросы населения Украины, проведенные Институтом социологии АН Украины в сентябре (1660 респондентов), октябре (1780) и ноябре (1752) 1991 года по вопросам, связанным с отношением населения к государственной независимости и перспективе социально-экономического и политического развития Украины.

Результаты референдума по вопросу о подтверждении Акта о независимости Украины, принятого Верховным Советом Украины 24 августа 1991 года, позволяют утверждать, что суверенитет Украины был поддержан большинством голосов не только коренного населения, но и русских, проживающих в Украине. Даже в Крыму, где русское население составляет большинство и где ожидалось наиболее значительное сопротивление идее независимого развития украинского государства, Акт о независимости был поддержан большинством участников декабрьского референдума. Уже сам по себе этот факт свидетельствует о том, что суверенитет Украины – явление более сложное, чем национальное самоутверждение украинцев, «поспешивших» избавиться от многовековой зависимости от «старшего брата» в тот момент, когда советская империя зашаталась под ударами российских демократов, мужественно ставших на пути ее реаниматоров.

Если русские поддерживают идею независимости Украины от обновленного Союза, красугольным камнем которого, совершенно очевидно, должна была стать Россия, то возникает вполне резонный вопрос: какие факторы оказались мощнее «голоса крови» и естественного желания сохранить в неприкосновенности единое пространство общения с людьми своей национальности, проживающими в России и других республиках Союза? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно прежде всего обратиться к анализу проблемы идентификации – формирования чувства сопричастности людей к той стране, в которой они живут.

Как показывают данные исследования «Русские в республиках», большинство русских, проживающих на территории Украины, не ощущают себя здесь чужими. Утвердительно на вопрос «Вы согласны или нет с тем, что «я не ощущаю себя чужим на земле этой республики?» ответили 90% русских жителей Крыма, 89%

– в восточном регионе, 86% – в центральном и южном. Несколько меньшая доля русского населения чувствует себя «как дома» в западных регионах Украины: 72% – на юго-западе (Буковина) и 68% – на Галичине.

Подавляющее большинство русских тесно связывают свою жизнь с жизнью Украины: от 69% – на Галичине до 91% – на Буковине. При этом русские не видят особых различий в образе жизни между собой и представителями коренной национальности (особенно это относится к жителям центрального, южного и восточного регионов). Отвечая на вопрос, лучше или хуже живут русские по сравнению с жителями коренной национальности, подавляющее большинство опрошенных ответили, что живут «практически так же»; что «хуже» – только 2-3% во всех регионах, кроме Галичины, где доля людей, считающих, что русские живут хуже коренной национальности, составляет 16%. Не видят русские и больших различий в уровне образования и культуры между ними и украинцами.

Подобная идентификация с коренным населением вполне естественна хотя бы потому, что большинство русских состоит с украинцами в близком родстве: близких родственников украинской национальности имеют 45% опрошенных на Галичине, 52% на Буковине, 53% – в Крыму, 62% – в центральном и южном регионе, 73% – на востоке Украины. Вместе с тем существуют определенные региональные различия в социальных установках русского населения на близкое родство с жителями коренной национальности. Так, если в центральном, восточном, южном регионах и в Крыму практически нет русских (по крайней мере, среди опрошенных), высказывающих предубеждение к близкому родству с жителями коренной национальности, то в западных регионах 11-12% высказываются против женитьбы своих родственников и 15% – против замужества.

Образ жизни украинца очень близок, по мнению опрошенных, к образу жизни русского. Характеризуя основные национальные качества украинцев, русские чаще всего называют «гостеприимство», «трудолюбие», «миролюбие», «открытость», «терпеливость». Эти же черты они в первую очередь считают типичными и для собственного образа, который дополняют таким качеством, как «готовность прийти на помощь». Эту готовность они проявили и на практике, поддержав стремление украинцев к созданию независимого государства.

Разумеется, объяснять выбор русского населения в пользу независимости Украины только фактором психологической идентификации было бы не совсем правомерным. Важную роль в этом выборе играет экономический фактор, а точнее – особенности его преломления в сознании жителей Украины, которые убеждены, что Украина значительно больше вкладывала в Союз, чем получала от него. В этом отношении взгляды русских не отличаются от взглядов коренного населения. Так, на вопрос «Как Вы считаете, ваша республика дает другим республикам больше, чем получает от них, или меньше, чем получает?» более половины опрошенных ответили, что вкладывают больше, и только 4% – что меньше. Две трети русского населения Украины считают, что условия жизни в Украине лучше, чем в России в целом. Три четверти опрошенных высказали твердое решение остаться жить в Украине при любых условиях. Даже в случае возникновения угрозы физической расправы немедленно уехать высказали намерения лишь 15%. И практически нет людей, высказавших намерение уехать в том случае, если Украина выйдет из состава СССР (лишь на Галичине 3% высказали подобное намерение).

На первый взгляд, вызывает недоумение тот факт, что большинство русских не намерены покидать Украину даже под угрозой физической расправы. Однако и сама эта угроза – слишком абстрактна, и участь беженцев из тех республик, где она существует реально, не вселяет в русских из Украины уверенности в том, что их проблемы и трудности будут с пониманием встречены в России, которая переживает далеко не лучшие времена для гостеприимной встречи своих соотечественников из многочисленных независимых государств, образовавшихся на руинах СССР. А свои собственные связи с жизнью России русские во всех регионах Украины, где проводился опрос, значительно чаще считают слабыми, чем достаточно прочными. Приведенные выше данные, казалось бы, достаточно убедительно свидетельствуют о том, что выбор в пользу независимости Украины вполне соответствовал преобладающему умонастроению русского населения. Однако амбивалентность сознания, свойственная людям, живущим в условиях переходного периода и непрекращающихся общественных потрясений, наглядно проявилась и в отношении русских к альтернативе союзного или независимого существования Украины. Так, за подписание нового союзного договора в августе высказывались трое из пяти опрошенных (73% – в Крыму, 67% – в центральном и южном регионе, 60% – на Галичине и Буковине, 59% – в восточном регионе). В то же время более двух третей респондентов считали, что республике необходимо освободиться от диктата центра, добиться реальной независимости. И хотя вполне очевидно, что «жить в Союзе и быть свободным от Союза» невозможно, именно такой вариант решения проблемы будущего Украины в наибольшей мере соответствовал бы преобладающим ориентациям населения, причем, не только русских, но и украинцев, большинство которых высказались за сохранение обновленного Союза на мартовском референдуме.

Разумеется, для русских решение вопроса «Быть или не быть независимой Украине?» было сопряжено с более драматичными переживаниями, чем для коренного населения, которому в новоявленном государстве не грозила участь национального меньшинства. И эти переживания заметны в ответах на вопрос «Приведет ли провозглашение независимости Украины к нарушению прав людей других национальностей?», который предлагался участникам республиканского репрезентативного опроса в октябре 1991 года. Что нарушений прав не будет, считали 61% украинцев и только 44% русских, имели определенные сомнения соответственно 12 и 15%, думали, что права начнут нарушаться – 7 и 20%, затруднились ответить – 20 и 21%. Если бо-

льшинство украинцев (62%) считали, что независимость Украины будет способствовать построению действительно демократического общества, то среди русских доля оптимистов составила 42%.

Сомнения и неуверенность в демократичности и национальной толерантности будущего независимого государства отразились и на отношении русских к Акту о независимости Украины, который в сентябре одобрили 46% русских и 69% украинцев. Против независимости высказывались соответственно 32 и 13%. Но уже в октябре произошел перелом в настроениях русского населения, большинство которого (58%) поддерживало провозглашение независимости, тогда как доля противников сократилась до 18%. В ноябре ситуация принципиально не изменилась: 60% высказались за независимость и 15% – против.

Изменению позиции части русского населения в пользу независимости во многом содействовала кампания по дискредитации идеи самостоятельного развития Украины, развязанная центральной властью и продемонстрировавшая населению Украины тот стиль общения, который будет использоваться по отношению к нему, если Украина останется во власти «обновленного» союзного руководства. Кроме того, Верховный Совет Украины принял законодательные акты, гарантировавшие соблюдение прав национальных меньшинств, и прежде всего права свободного использования русского языка во всех сферах деятельности. Тем самым был сделан решительный шаг к устранению одного из наиболее серьезных опасений русского населения, связанного с возможностью насильственного вытеснения русского языка из различных сфер социального общения.

Подавляющее большинство русских поддерживают идеи национального возрождения Украины (от 88% в западной Украине до 96% – в центральном регионе, в частности, высказывая положительное отношение к возрождению местных национальных традиций, праздников, обычаев). Оценивая воздействие русской культуры на культуру коренного населения, большинство опрошенных оценивают это влияние положительно. Заслуживает внимания тот факт, что оценка «практически никакого влияния» более всего распространена в таких полярных по степени межнациональной интеграции регионах, как Галичина (31 %) и восточный регион (28%).

В целом же для русских, живущих в Украине, характерна весьма толерантная позиция по отношению к языку и культуре коренного населения. Вместе с тем достаточно широко распространились опасения относительно ограничения свободы развития своего языка в условиях утверждения государственной независимости Украины. Однако эти опасения не стали доминантой массового сознания и не породили организованное сопротивление русскоязычной части населения политике национально-государственного возрождения Украины, как это произошло в ряде других республик бывшего Союза.

Основную причину переживаемых трудностей русского население видит главным образом не в обострении межнациональных отношений, а в экономическом кризисе, хотя региональные различия сказываются на общей оценке обстановки и на оценке роли националистических сил в драматизме переживаемой ситуации. Так, например, если причину всех бед видят в том, что к власти пришли крайние националисты, в центральном регионе – 12%, то в Галичине эта доля повышается до 32%. Однако подавляющее большинство русских (более 90% во всех регионах) убеждены, что все население Украины – и русские, и жители коренной национальности – переживают сейчас одинаковые трудности.

Даже причину обострения межнациональных отношений русское население усматривает в экономическом кризисе: так считают около половины опрошенных во всех регионах республики; и лишь на втором месте с заметным отставанием по распространенности этого мнения в качестве причины обострения межнациональных отношений указывается деятельность националистических группировок (от 35% в Галичине до 17% – в Крыму). Оценивая характер отношений между различными народами, проживающими в Украине, практически никто не рассматривает их как враждебные. Большинство опрошенных определяет их как нормальные, и только в Галичине довольно значительная часть людей (29%), оценивают межнациональные отношения как «напряженные».

Что касается отношения к русским, то за последние два-три года, по мнению опрошенных, оно ухудшилось в западных регионах Украины и особенно в Галичине. Так, если в восточных областях только 9% считают, что за последнее время ухудшилось отношение к русским, в центральном регионе ухудшение отношения отмечают 14%, в Крыму – 18%, то в Галичине зафиксирована противоположная картина – 59% русского населения этого региона Украины отмечали ухудшение отношения к русским.

На прямой вопрос: «Подвергаются ли русские в республике притеснениям?» в большинстве регионов Украины (за исключением Галичины) получен однозначный отрицательный ответ. О притеснениях заявили всего 2 – 4% опрошенных (в Галичине – 25%).

И это не удивительно, так как 82% русского населения Галичины на вопрос о том, приходилось ли им быть свидетелями национальной неприязни в отношении русских в бытовых ситуациях (на улице, в транспорте, в очереди), ответили утвердительно. Если проранжировать регионы Украины по частоте столкновений с подобными ситуациями, отмечаемыми респондентами, то Галичина занимает, как уже указывалось, первое место; на втором месте Буковина – здесь 42% опрошенных отметили, что им приходилось сталкиваться с проявлением национальной неприязни, в Крыму – 25%, в центральном регионе – 24%, в восточном – 15%. Значительно реже русскому населению приходится сталкиваться с неприязненным отношением со стороны работников государственных учреждений, однако тенденция по регионам сохраняется та же: отметили, что им приходилось сталкиваться с проявлением национальной неприязни в государственных учреждениях: в Галичине – 38%, на Буковине – 11%, в Крыму – 8%, в центральном регионе – 6%, в восточном – 3%.

Полученные данные позволяют утверждать, что русские в Украине находятся в относительно благоприятном положении с точки зрения обеспечения их прав государственными инстанциями. Даже в Галичине негативное отношение со стороны работников государственных учреждений отмечается реже, чем в других регионах бывшего СССР (в Латвии, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Чечено-Ингушетии, Молдавии и др.).

Одним из важных факторов относительно высокого уровня взаимной толерантности украинцев и русских, проживающих в Украине, является их примерно равное социально-экономическое положение, что практически исключает элементы зависти и недоброжелательности, связанные с ощущением социальной несправедливости, которая в нашем обществе прежде всего отождествляется с неравенством различных категорий населения в сферах социального продвижения и распределения материальных благ. Так, по традиционной стратификационной шкале не наблюдаются существенные различия в идентификации русских и украинцев с различными социальными слоями. Судя по данным репрезентативного республиканского исследования, проведенного в ноябре 1991 года, к высшему классу относят себя 0,5% русских и 0,3% украинцев, к высокому среднему – соответственно 14 и 8%, к низкому среднему – 37% тех и других, к рабочему классу 36 и 40%, затруднились определить свою позицию 13 и 15%.

Некоторое различие в идентификации русских и украинцев с высоким средним классом связано с концентрацией русского населения в крупных городах, где существуют наиболее благоприятные условия для социального продвижения. Но это незначительное преимущество никак не сказывается на самооценке своего дохода, который выше среднего оценивают 2% русских и 5% украинцев, средним его считают соответственно 37 и 38%, ниже среднего – 55 и 53%, затрудняются оценить – 6 и 4%. Как видим, и русских, и украинцев объединяет общая парадоксальная особенность сознания – массовое ощущение того, что им живется материально хуже в своей стране, чем некоторому абстрактному «среднему индивиду».

Именно «равенство в бедности», переживаемое в равной мере русскими и украинцами, является одним из актуально интегрирующих, но потенциально конфликтогенных факторов в межнациональных отношениях. Интегративную функцию он будет выполнять только до тех пор, пока у русских и украинцев будет сохраняться отмеченное выше представление о том, что, при всех трудностях люди в Украине живут все же более обеспеченно, чем в России и в других бывших республиках Союза. Но как только обнаружится, что радикальные реформы в России приносят реальные положительные сдвиги в экономике, а консервативная экономическая политика украинских властей только усугубляет кризисные явления, «равенство в нищете» неизбежно породит обострение национальных отношений. Вот почему радикальные экономические преобразования в Украине являются главным условием решения не только экономических проблем, но и проблемы межнациональных отношений.

3.3. Положение евреев и перспектива их национально-культурного развития

Для еврейского меньшинства проблема психологической адаптации к жизни в новом государстве является не столь болезненной, как для русских. Социологические исследования, проведенные накануне референдума о независимости, показали, что идея создания независимого государства в Украине пользовалась среди евреев не меньшей поддержкой, чем среди коренного населения. Однако есть немало других объективных и субъективных факторов, которые оказывают противоречивое, а подчас и взаимоисключающее воздействие на положение евреев в Украине.

С одной стороны, в рамках общего процесса разрушения тоталитарной системы появились реальные возможности активизации социально-культурной и политической активности национальных меньшинств, что отразилось в появлении независимых еврейских организаций, культурных центров, театров и фольклорных коллективов, газет и журналов. С другой стороны, все это происходит на фоне резкого сокращения численности еврейского населения на территории бывшего СССР в целом, в том числе и на территории Украины.

Разумеется, не следует думать, что в обозримой перспективе возможна ситуация «последнего из могикан». Во-первых, слишком значителен вклад евреев в культуру Украины, чтобы установившиеся духовные связи не удерживали определенную часть еврейской интеллигенции в данной культурной среде (даже с учетом пробуждающегося национального самосознания и возможности повышения уровня жизни в результате эмиграции). Во-вторых, переход к рыночной экономике в Украине может привлечь часть наиболее предприимчивых представителей еврейского меньшинства к развитию бизнеса, а при условии признания двойного гражданства в этом процессе могут принять активное участие и те, кто выезжает в Израиль и страны Запада на постоянное жительство. В-третьих, существует малоизученная, но значительная по численности и весьма активная в социально-культурной жизни Украины категория людей – выходцев из гетерогенных семей, которые при той или иной национальной самоидентификации не могут не ощущать определенную сопричастность к культуре, в условиях которой воспитывались их родители.

И наконец, нельзя не учитывать, что евреи, покидающие Украину, имеют разветвленную систему дружеских, соседских и профессиональных контактов, которые способны многократно увеличивать «эффект еврейского присутствия» в общественной жизни и культуре.

О широте этих контактов свидетельствуют данные социологического исследования, проведенного в ноябре 1990 года Всесоюзным центром изучения общественного мнения в различных регионах Украины (в рамках всесоюзного репрезентативного опроса был опрошен 541 человек, по полу, возрасту, образованию и региональным особенностям репрезентирующее население Украины). По данным исследования 7% опро-

шенных имеют родственников-евреев (близких родственников – 2%), 12% – друзей, 15% – соседей, 26% – коллег, 29% – знакомых, и только у 43% нет такого рода контактов. Причем, на вопрос «Как Вы считаете, евреи, решившие выехать из СССР в Израиль, представляют опасность для нашего общества или не представляют опасности?» только 5% жителей Украины ответили, что такая опасность существует, а 83% были согласны с тем, что евреи должны иметь право самостоятельно решать: оставаться им в Советском Союзе или уезжать (не согласны – 5%, затруднились ответить – 12%).

Следовательно, для подавляющего большинства жителей Украины отъезд евреев не означает враждебную или в чем-то предосудительную акцию, что является предпосылкой сохранения нормальных человеческих контактов с теми людьми, которые выехали на постоянное жительство в Израиль и другие страны. И если учесть, к тому же, что выход страны из идеологической самоизоляции, сопровождаемый глубоким экономическим кризисом, резко повысил заинтересованность в контактах с людьми, проживающими в экономически развитых странах, то, следует предполагать, что эти контакты будут активно поддерживаться властями и населением, и выезд каждой еврейской семьи из Украины будет означать не только разрыв многовековых социально-культурных связей, но и воспроизводство их на новой основе.

Таким образом, есть достаточно оснований утверждать, что ни вселенского исхода евреев из Украины, ни исчезновения феномена еврейского социально-культурного присутствия в социально-экономической и духовной жизни Украины ожидать не следует. Тем более, что на смену многолетней коммунистической политике весьма своеобразного «подпольного» государственного антисемитизма, пришла открытая и весьма толерантная политика по отношению к еврейскому меньшинству, стабильность которой основывается на консенсусе, достигнутом по этому вопросу всеми более или менее влиятельными политическими силами Украины.

Разумеется, говоря о благоприятных общественных условиях развития еврейской культуры, нельзя представлять их совершенно безоблачными в политическом аспекте или сбрасывать со счетов устоявшиеся стереотипы бытового антисемитизма. По крайней мере, 7% опрошенных нами жителей Украины согласны с тем, что существует «мировой сионистский заговор, направленный на установление господства евреев над другими народами» (25% не согласны с этим суждением, 68% затруднились ответить), 10% считают, что «на евреях лежит большая вина перед другими народами» (47% не согласны), 18% возлагают на евреев основную вину за бедствия, которые принесли революция и массовые репрессии (47% не согласны), 20% находят, что у евреев неприятная внешность, а более трети (38%) думают, что для евреев деньги и выгода важнее, чем человеческие отношения.

Оценивая эти данные с точки зрения перспективы национально-культурного развития еврейского меньшинства, необходимо учитывать, что антисемитские настроения и стереотипы характерны для меньшинства населения Украины. Причем, в большей мере они распространены среди малообразованных людей, жителей сельской местности и сельских мигрантов, что свидетельствует о преобладании архетипных форм антисемитизма над актуальными, поскольку именно эти категории населения имеют меньшие непосредственные контакты с евреями, чем люди с более высоким уровнем образования и коренные горожане. Так что проблему антисемитизма в Украине не следует ни недооценивать, ни драматизировать. Разрушение этнических стереотипов – процесс длительный, и для его успеха необходима добрая воля и повышение уровня культуры этносов.

Отмечая, что в настоящее время в верхних эшелонах власти сложилось достаточно толерантное отношение к положительному решению проблемы национально-культурного развития еврейского меньшинства, необходимо осознавать, что этот фактор является необходимым, но недостаточным в условиях становления государственности, правовые основы которой еще не устоялись, и отношение к национальным меньшинствам может в большей мере определяться произволом местных властей и спонтанными всплесками охлократии, чем законами и решениями высших органов исполнительной власти. Подобные явления уже сейчас наблюдаются в России в отношении к проблеме восстановления немецкой автономии, когда правительство вынуждено отступать от своих собственных справедливых решений под влиянием массовой кампании протеста, спровоцированной местной бюрократической элитой. Известен также исторический прецедент, когда торжественно провозглашенные Центральной Радой принципы свободы национального самоуправления и гарантии соблюдения прав всех национальных меньшинств, в том числе и евреев, на местах обернулись грубейшим попранием этих прав и массовым насилием по отношению к еврейскому населению.

Поэтому вопросы, связанные с формированием общественного мнения и установок представителей локальных органов власти в Украине, имеют принципиальное значение для прояснения перспективы и возрождения еврейской культуры и улучшения положения еврейского меньшинства как этнической группы, длительное время находившейся под двойным прессом – идеологической дискриминации и бытовой этнофобии.

Проведенные нами исследования позволяют сопоставить мнения населения Украины и представителей локальной власти (руководителей районного уровня) к развитию конкретных форм реализации еврейским меньшинством права на национально-культурную автономию. Основные характеристики опроса общественного мнения указаны выше. Что касается опроса руководителей выборных и исполнительных органов власти административных районов Украины, то данное исследование осуществлялось в рамках международного проекта изучения проблем местного самоуправления, инициатором которого выступил Фонд Келлес-Краузе. Всего в ноябре-декабре 1991 года было опрошено 450 руководителей в 30-ти районах Украины, которые попали в выборку по принципу случайного отбора.

В вопросник, который предлагался руководителям для заполнения, был включен блок вопросов, касающихся их отношения к развитию национального самоуправления и культуры русских, евреев и крымских татар. Результаты опроса представлены в таблице 7.

Таблица 7. Отношение районных руководителей к развитию в Украине национального самоуправления русских, евреев и крымских татар (N=450),%

Должны ли иметь свои собственные:	Русские		Евреи		Крымские татары	
	да	нет	да	нет	да	нет
Церковь	92.1	7.9	91.2	8.8	91.4	7.6
Школы	95.1	4.9	89.2	10.9	90.9	9.1
Прессу на своем языке	94.6	5.4	89.8	10.2	91.4	8.6
Представителей в выборных органах власти	95.5	4.5	93.5	6.5	91.3	8.7
Язык, признаваемый как официальный	67.0	33.0	46.3	53.7	50.4	49.6
Учреждения культуры	84.7	15.3	81.8	18.2	81.8	18.2
Политические партии	67.4	32.6	66.4	33.6	66.4	33.6

Как видно, среди районных руководителей немногие выступают против национальных учреждений культуры, прессы, школы, церкви, представительства в выборных органах власти. Причем толерантное отношение в данном случае распространяется на все национальные меньшинства. Иная ситуация – с отношением к официальному языку и политическим партиям. Если по отношению к русским только треть опрошенных выступают против официального статуса языка, то по отношению к евреям и крымским татарам – около половины. По-видимому, здесь сказывается не столько предубеждение к евреям и крымским татарам, сколько болезненность проблемы языков общения в стране, где язык коренной национальности не является языком общения значительной части представителей этой национальности. И в этих условиях могут возникнуть опасения, что появление в разных регионах Украины новых официальных языков приведет к ослаблению и так недостаточно прочных позиций украинского языка.

Что касается неблагоприятного отношения трети опрошенных к партиям, организованным по национальному признаку, то здесь могли сказаться два фактора: опасение дестабилизирующего воздействия этих партий на межнациональные отношения и консервативные политические установки руководителей, сформировавшихся в условиях однопартийной системы и с подозрением относящихся к новомодным плюралистическим веяниям, поскольку индекс политического консерватизма оказался несколько выше именно у тех руководителей, которые выступали против партий национальных меньшинств.

В ряду обнаруженных в данном исследовании фактов один заслуживает особого внимания. Среди руководителей, которые считают, что обладают достаточной властью и самостоятельностью, чтобы эффективно действовать в сфере межнациональных отношений, 55% высказались против признания языка еврейского меньшинства как официального, а 38% – против политических партий, тогда как среди считающих себя недостаточно «дееспособными» доля нетолерантных меньше (соответственно 43 и 27%). Учитывая статистическую значимость различий приведенных данных, можно утверждать, что более прочные позиции во властных структурах в настоящее время занимают менее толерантные в отношении к национальным меньшинствам местные руководители. А следовательно, можно ожидать, что противодействие негативно настроенного меньшинства руководителей окажется более стойким, чем содействие сочувствующего большинства в решении принципиальных вопросов развития еврейского меньшинства.

Об отношении к некоторым из этих вопросов населения Украины свидетельствуют данные, представленные в таблице 8.

Таблица 8. Отношение жителей Украины к еврейским организациям, %

Как вы относитесь к тому, чтобы в Украине	положительно	отрицательно	неопределенно
Открывались школы на еврейском языке	63.5	15.2	21.3
В вашем городе открылась синагога	51.3	19.0	29.7
Действовали еврейские общественно-политические организации	34.1	29.1	36.8
Евреи, выехавшие из страны, создавали здесь совместные предприятия	50.8	16.0	33.2

Сопоставляя данные, представленные в таблицах 7 и 8, можно видеть, что среди руководителей местных органов власти противники развития еврейских культурно-образовательных, религиозных и политических организаций встречаются реже, чем среди населения в целом. Но и среди населения доля людей с толерантными установками в несколько раз превосходит процент «негативистов», за исключением отношения к еврейским общественно-политическим организациям, относительно которых голоса «за» и «против» разделились примерно поровну. Это связано со спецификой сознания советских людей, которое формировалось в условиях мощной антиссионистской пропаганды. В результате пропагандистский образ сионизма как агрес-

сивной и антигуманной доктрины ассоциируется в сознании многих людей с политической деятельностью еврейских организаций, и 56% жителей Украины были согласны с тем, что нужно решительней бороться с сионизмом и сионистами в своей стране и во всем мире.

В свете этих данных, обнаруживающих существенное влияние стереотипов и идеологических догм тоталитарного прошлого на массовое сознание, следует признать, что руководители выборных и исполнительных органов власти на местах не являются той политической силой, которая могла бы в широком масштабе противодействовать развитию еврейских организаций.

В настоящее время более вероятным является их сдерживающее влияние на те слои населения, в которых еще достаточно широко распространены стереотипы бытового антисемитизма и идеологические штампы борьбы с «сионистской угрозой». Но здесь важно отметить и тот факт, что большинство населения выказывает за развитие сотрудничества с людьми, выехавшими в Израиль и другие страны, несмотря на многолетнюю практику квалификации этих людей советской идеологией как предателей и отщепенцев. А это значит, что будущее – за разрушением подобных стереотипов массового сознания, и это создаст благоприятные социально-психологические условия для улучшения положения евреев в Украине.

4. Социальная защищенность и правовая культура населения: проблемы формирования социальной политики в Украине

Развитие социальной политики в странах Запада было связано с переходом от государственной и общественной благотворительности по отношению к низшим слоям общества к выработке общегосударственных и локальных систем социальной помощи, оптимальный уровень развития которой позволяет, по мнению ряда западных идеологов, реализовать идею «государства всеобщего благоденствия». И хотя в настоящее время на Западе есть немало критиков этой идеи как очередной либеральной утопии, опыт неудавшейся попытки проводить эффективную социальную политику в рамках централизованной экономики и тоталитарной идеологии свидетельствует о том, что в настоящее время в мире нет серьезной альтернативы выработанной передовыми западными государствами системы социальной помощи и обеспечения социальной защищенности населения как интегрального показателя эффективной социальной политики.

В настоящее время и в нашей стране проблема социальной защищенности населения стала предметом широкого общественного обсуждения. К данной теме все чаще обращаются официальные лица, представители общественных организаций и движений, предлагающие различные подходы к решению обострившихся социальных проблем, общим моментом которых является повышенное внимание к вопросам социальной защищенности населения. При этом социальная защищенность, как правило, отождествляется с социальной защитой и сводится по сути к государственным гарантиям обеспечения прав и интересов граждан. Но если гарантированная социальная защита является важнейшей функцией государственных и общественных организаций, то социальная защищенность – это показатель реагирования населения на эффективность выполнения этой функции.

В отличие от социальной защиты (как системы формально декларируемых мер и гарантий), социальная защищенность определяется совокупностью реальных возможностей защиты гражданами своих прав и интересов и отражается в соответствующем уровне удовлетворенности населения. Предметом социологического исследования является анализ уровня и факторов социальной защищенности на основе оценок и мнений, сформированных под воздействием личного опыта защиты прав и интересов, правозащитного правосознания, экономической и социально-политической культуры человека.

В нашей стране существует множество организаций, в которые могут обращаться граждане, если затронуты их законные права и интересы. Обращения в различные инстанции с жалобами и прошениями являлись единственным легальным средством борьбы за свои права в недавнем прошлом. Такой путь правозащитной деятельности не утратил значения в условиях, когда появилась возможность открытого выражения протеста в таких нетрадиционных для нашего общества формах, как митинги, демонстрации, забастовки, участие в неформальных движениях и т.п. Исследования показывают, что большинство людей, не удовлетворенных деятельностью соответствующих государственных и общественных служб по защите их прав и интересов, редко предпринимают попытки самостоятельно отстаивать свои права в рамках существующих законов.

К примеру, в двух опросах мнения населения столицы Украины, проведенных с интервалом в один год по репрезентативной для взрослого населения Киева выборке, было обнаружено, что исходный низкий уровень обращаемости за помощью в различные инстанции, зафиксированный в 1990 году, не только не повысился в процессе обретения Украиной суверенитета, но и заметно снизился к середине 1991 года (см.таблицу 9), несмотря на то, что за год доля киевлян, которым приходилось сталкиваться в течение последних лет с ущемлением законных прав и интересов, возросла с 38 до 65%.

Таблица 9. Процент киевлян, обращавшихся за помощью в различные инстанции в 1990 и 1991 гг.

ИНСТАНЦИИ	1990	1991
Милиция	9	10
Райсовет, горсовет	5	9

Суд	13	5
Газета	18	5
Прокурор	8	4
Адвокат	11	6
Другое	1	6

При этом почти у половины населения Киева (43%) сформировалось убеждение, что в любую из инстанций обращаться бесполезно. Для интерпретации этих данных, отражающих широкую распространенность стереотипа безуспешности (при котором превентивно, даже без реальных попыток обращения в инстанции, снижается правовая защищенность человека) существенным представляется вопрос, отражает ли эта установка реальное положение вещей, сформирована ли она под влиянием конкретного жизненного опыта или это – стереотип массового сознания, сформированный под влиянием общего предубежденного отношения к правоохранительным органам.

Для ответа на этот вопрос проанализированы различные факторы, определяющие распространенность стереотипа безуспешности. В результате установлено, что определенное влияние на его распространенность оказывают возраст и образование людей: молодые люди (до 30 лет) реже считают, что обращаться бесполезно (35%), чем ниже уровень образования, тем чаще высказывается стереотип безуспешности (от 37% – у людей с высшим образованием до 52% – у людей с образованием ниже среднего).

Анализ данных, касающихся жизненного опыта людей, тех социальных ситуаций, в которых некоторым пришлось побывать, показывает, что опыт общения с правоохранительными органами не укрепляет, а наоборот, еще больше подрывает доверие населения к деятельности этих организаций. Так, например, среди тех, кому пришлось пережить попытки ограбления квартиры (а таких среди опрошенных 9%), значительно больше (60%) лиц, считающих, что обращаться за помощью в правоохранительные инстанции бесполезно, чем среди тех, кто не пострадал от взломщиков (40%). Среди тех, кому пришлось пережить нападение хулиганов, грабителей, насильников (таких в Киеве 28%), 53% считают бесполезным обращение в органы правопорядка; среди тех, кто не пострадал от нападения – 38%. Особый интерес представляет сравнение отношения к правоохранительным органам людей, столкнувшихся с их деятельностью с разных, точнее – с противоположных позиций: тех, кому довелось пострадать от какого-либо преступления (и соответственно испытывать непосредственную потребность в правоохранной защите), и тех, кому приходилось находиться в местах заключения (их 4% из числа опрошенных) или быть задержанным милицией (их 14%). Интересно, что среди и тех, и других значительно повышается (по сравнению со средним) доля лиц, считающих бесполезным обращение в какую бы то ни было правоохранительную инстанцию (57% и 58%), но при этом в милицию предполагают обратиться в случае нарушения прав 24% из тех, кто отбывал наказание, и 7% из тех, кто пострадал от преступления (в суд – 10% и 6% соответственно). Следовательно, у людей, побывавших в обстоятельствах, вынуждавших обращаться за помощью в органы правопорядка, доверие к правозащитным возможностям этих инстанций, мягко говоря, явно не укрепилось. И как это ни парадоксально, желание обращаться за помощью в правоохранительные инстанции у законопослушных граждан еще менее заметно, чем у тех, кто сам преступал закон. Около трети опрошенных (30%) убеждены, что следователи достаточно широко используют незаконные методы, чтобы получить нужные показания, и только 4% считают, что это лишь слухи, на самом деле такого нет, 30% думают, что незаконные методы используются, но не в широкой практике, а в отдельных случаях.

Среди молодежи в большей степени распространены представления о незаконных методах ведения следствия: о широком распространении подобной практики заявили 43% людей в возрасте до 30 лет и 17% старше 55 лет. Если среди тех, кто побывал в местах заключения, доля убежденных в широком распространении незаконных методов ведения следствия – лишь несколько выше среднего (38%), то среди тех, кому приходилось быть задержанным милицией (а таких в выборке 14%), уже почти половина людей говорит о подобном явлении. Самое удивительное то, что среди пострадавших от преступления (их 23%), 42% заявили о широком распространении подобных методов ведения следствия.

Более четверти киевлян (26%) считают, что в органах милиции, МВД сплошь и рядом процветает взяточничество и, как следствие, пособничество преступникам; 29% думают, что это бывает, но лишь иногда, 41% затруднился в оценке распространенности взяточничества среди работников МВД, и только 4% заявили, что, по их мнению, такие случаи исключительно редки. Люди, отметившие, что они регулярно и повсюду доплачивают (деньгами, подарками, спиртным) за услуги, втрое чаще, чем те, кто никогда дополнительно не оплачивал услуги, убеждены, что работники милиции сплошь и рядом берут взятки (53% и 16%). Скорее всего это убеждение не от непосредственного опыта дачи взятки в милиции, а от сложившейся в целом практики дополнительной оплаты услуг в разных сферах жизни и общей системы ценностей и оценок, так как среди тех, кто регулярно переплачивает за товары, также намного больше людей, убежденных в распространенности взятки в милиции по сравнению с теми, кто за товары никогда не переплачивает (42% и 14%).

Здесь следует отметить, что в данном случае речь идет не о реальном распространении злоупотреблений в органах МВД (мы не располагаем абсолютно никакими данными на этот счет), а о распространении тех или иных представлений среди населения о деятельности правоохранительных органов; это своеобразная оценка уровня нравственности и компетентности работников МВД, сложившаяся в общественном мнении. Насколько адекватно оно отражает действительность – это другой вопрос. Однако весьма показательно, что лица, пострадавшие от преступлений, чаще убеждены в повсеместной распространенности взяток среди

работников милиции. Самое распространенное мнение о взяточничестве в милиции имеет место среди лиц, которым доводилось быть задержанным милицией (40%), тогда как даже среди тех, кому довелось побывать в местах заключения, так считают 33%. Видимо, впечатление, которое производят работники милиции на тех, кого они задерживают, не способствует формированию представления о высоком уровне нравственности, царящем в правоохранительных органах.

Крайне низко оценивался большинством населения и собственный уровень правовой культуры. Судя по удовлетворенности уровнем юридических знаний (удовлетворены только 17% респондентов), правовая культура населения явно не обеспечивает возможность самостоятельной эффективной борьбы во многих ситуациях, когда нарушаются права и интересы людей. Не будучи удовлетворенными уровнем своих правовых знаний, люди, тем не менее, весьма редко обращаются в юридические консультации, к адвокатам, что является нормой правозащитной деятельности в любом цивилизованном обществе. Отстаивать свои права без юридических знаний или квалифицированной юридической помощи – дело малоперспективное. Как минимум, человек должен знать свои права и законные средства их восстановления.

Низкий уровень правовой культуры может проявляться в трех аспектах:

- 1) как правовое невежество, когда человек не знает своих прав и законных средств их защиты;
- 2) как правовой нигилизм, когда отрицается любая возможность законной защиты своих прав;

3) как «правовой экстремизм», когда борьба с правонарушениями ассоциируется преимущественно с ужесточением наказаний и оправданием противозаконных мер в обращении с правонарушителями и подозреваемыми в совершении преступлений. Данные исследований свидетельствуют о том, что по каждой из этих позиций наблюдается массовое распространение соответствующих проявлений низкого уровня правовой культуры. О правовом невежестве сказано выше. Правовой нигилизм был продемонстрирован на примере массового стереотипа безуспешности в защите прав и интересов. Что касается правового экстремизма, то он проявляется в требовании большинства населения не сокращать или даже увеличивать сферу применения смертной казни, которая в нашем законодательстве и так чрезмерна по меркам цивилизованного мирового сообщества. Другим его проявлением является поддержка большинством такой явно неправовой меры «защиты прав общества», как предоставление следственным органам права на неопределенный срок содержания под стражей должностных лиц, заподозренных в коррупции.

На фоне столь низкого уровня правовой культуры общества и личности без удивления воспринимается тот факт, что большинство населения неудовлетворено уровнем своей социальной защищенности, и в последние годы эта неудовлетворенность возрастает (см. таблицу 10).

Таблица 10. Динамика удовлетворенности населения Киева уровнем социальной защищенности, %

В какой степени вы удовлетворены уровнем своей социальной защищенности?	1990	1991
Совершенно не удовлетворен	22	35
Скорее не удовлетворен	33	35
Трудно сказать, удовлетворен или нет	36	24
Скорее удовлетворен	7	5
Полностью удовлетворен	2	1

Из вышесказанного вытекает, что важнейшей задачей всех организованных сил и движений, приверженных демократическому пути развития общества, является разработка конкретных механизмов защиты прав и интересов различных категорий населения как альтернативы унаследованному от прошлого тоталитарным механизмам, основанным на подавлении прав одних категорий людей ради торжества интересов других.

Обеспечение минимально необходимого уровня социальной защиты и повышение уровня социальной защищенности различных категорий населения как цель современной социальной политики предполагает решение двух основных задач:

- 1) формирование правовой культуры демократического типа;

2) разработка программы реализации конкретных мер социальной защиты населения, имеющей актуальные и долговременные составляющие, и направленной на решение социальных задач в соответствии с принятыми международным сообществом направлениями, обеспечивающими прогресс на международном, национальном и региональном уровнях в области здравоохранения, жилищного строительства, обеспечения продовольствием, образования, заботы о благосостоянии детей, положения женщин, условий труда, вознаграждения наемных рабочих и независимых производителей, защиты прав мигрантов, социального обеспечения, общественных служб и производства вообще.

Последняя позиция – обеспечение прогресса производства вообще как предпосылка реализации основного принципа социальной политики (достижение материального благосостояния и духовного развития населения) – предполагает реализацию либеральной стратегии экономического развития, несовместимой с тоталитарными моделями управления экономикой. Реализация этой стратегии имеет решающее значение для перспективы осуществления основных задач социальной политики в нашей стране, переживающей драма-

тический период перехода от тоталитарной системы к цивилизованному демократическому общественному устройству.

В условиях экономического кризиса и социальной напряженности, обусловленной ценностно-нормативной неопределенностью переходного состояния общества, конкретная направленность социальной политики должна определяться основной стратегической задачей – решительным поворотом к рыночной экономике, к отказу от «оборонительной» стратегии, когда под прикрытием тезиса о всеобъемлющей защите населения от последствий экономической реформы его по сути «защищают» от самой реформы.

5. Социальная напряженность и отношение населения к социальному протесту и участию в правозащитной деятельности

Рост социальной напряженности в Украине в последнее время определялся общими и специфическими для отдельных регионов факторами. Среди общих факторов особое место занял обострившийся кризис экономики со всеми вытекающими из него крайне неприятными для населения последствиями (периодическое исчезновение с прилавков основных продуктов питания, промышленных товаров, безудержный рост цен, окончательно уничтожающий личные сбережения и превращающий многие ранее доступные товары и продукты в предмет роскоши и т. п.). Специфические факторы обострения социальных противоречий обусловлены существенной региональной неоднородностью Украины, что приводит к возникновению локальных очагов напряженности, в конечном счете влияющих и на общую социальную атмосферу.

В исследовании, проведенном Институтом социологии АН Украины в январе 1993 года, предпринята попытка выделить роль общих и специфических факторов социальной напряженности в различных по геополитическому положению и национальному составу населения регионах Украины, в которых в той или иной форме уже проявились социальные конфликты, связанные с событиями политической и экономической жизни, а также с межнациональными и межконфессиональными отношениями. Опрос проводился методом стандартизованного интервью по квотным выборкам, репрезентирующим по полу, возрасту и образованию взрослое население следующих регионов Украины: Закарпатская область, Львовская область, Крым и Киев, в которых опрошено соответственно 369, 400, 345 и 400 человек.

Учитывая, что в условиях углубляющегося экономического кризиса особую опасность для стабильности государства и общества представляют вспышки массового стихийного недовольства, связанные с уличными беспорядками и конфликтами с представителями законной власти, в программу исследования были включены два следующих вопроса: «Как Вы думаете, в каком случае большинство людей в вашем населенном пункте могут выйти на улицу, чтобы бурно выразить свой протест?» и «Что может заставить выйти на улицу лично Вас?». Оба вопроса имели одинаковый набор вариантов ответов, включавший гипотетические причины, которые могли бы стимулировать стихийные всплески конфронтации с властями, а также открытый вариант ответа, позволявший респонденту дополнить стандартный список собственным вариантом ответа. Два вопроса с одинаковыми наборами вариантов ответа были необходимы для сравнительной характеристики двух различных показателей: прогнозных оценок респондента по поводу возможных причин массовых выступлений населения и его собственной вербально выраженной готовности принять участие в этих выступлениях. По первому показателю можно судить об уровне общей напряженности в том или ином регионе, по второму – о поддержке, по крайней мере мысленной, массовых «уличных» выступлений, а по разности первого и второго показателей – о мере индивидуальной переносимости ухудшающихся условий жизни (к примеру, готовность человека лично «выйти на улицу», даже если он не надеется, что по этой причине «взбунтуется» большинство, свидетельствует о нарушении механизма социальной конформности, являющегося основой стабильного существования общества). Региональное распределение ответов на рассмотренные выше вопросы представлено в таблице 11.

Таблица 11. Распределение ответов населения различных регионов Украины на вопрос о причинах, которые могут заставить большинство жителей конкретного населенного пункта (1) и лично участника опроса (2) выйти на улицу, чтобы бурно выразить свой протест, %

Причины	Регион							
	Закарпатье		Львовская обл.		Крым		Киев	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Если исчезнут основные продукты питания	40	36	50	33	65	60	60	46
Если в том же темпе будут расти цены	34	26	44	35	51	44	49	37
Если не будут отапливать квартиры	15	13	15	7	32	28	48	37
Если наступит разгул преступности	28	26	27	23	39	38	44	39
Если не будет работать городской транспорт	9	7	17	9	22	18	43	25
Если будет заморожена заработная плата	19	17	33	21	37	33	36	25
Если резко возрастет квартплата	12	9	16	12	30	28	32	27

Если будет ухудшаться экологическая ситуация	20	17	14	16	20	22	27	30
Если будут нарушаться права человека и политические свободы	13	17	16	16	24	31	23	26
Если останвятся поезда	9	6	12	8	15	10	14	9
Причины	Регион							
	Закарпатье		Львовская обл.		Крым		Киев	
Если будут притеснения из-за языка	7	6	1	2	27	28	13	11
Если люди не смогут свободно ездить в Россию	5	3	4	3	33	33	8	9
Если прекратят трансляцию «Останкино»	5	3	4	3	30	26	6	6
Если не будет распущен Верховный Совет	4	5	6	4	2	4	4	3
Если власти не прислушаются к тем, кому дорога украинская национальная идея		7	3	10	9	2	2	3
Если перестанут летать самолеты	1	1	3	2	5	4	3	3
Если начнут ускоренно внедряться экономические реформы	2	2	1	1	1	1	3	1
Если будет досрочно распущен Верховный Совет	1	0	0	0	1	2	1	1
Другие причины	1	1	2	1	1	1	2	4
Ни в коем случае не выйдут «на улицу»	24	35	13	26	9	10	13	21
Затруднились ответить	20	14	15	17	10	9	10	12

Прежде всего отметим тот факт, что лишь менее четверти населения наиболее «миролюбивого» региона – Закарпатье ни при каких условиях не предвидят массовых выступлений протеста, тогда как в остальных регионах оптимистов еще меньше. И хотя везде, кроме Крыма, люди в меньшей мере видят «на улице» себя, чем своих земляков, большинство все же и лично готовы принять участие в бурном выражении протеста, по крайней мере, по одной из причин, представленных в таблице 11. Причем, менее всего побуждают к бунту факторы, крайне волнующие политическую элиту. Очень мало нашлось охотников бурно протестовать в связи с тем или иным решением судьбы ныне действующего Верховного Совета. Даже в Галичине, где наиболее высок уровень ожиданий, связанных с утверждением национальных ценностей, немногие готовы протестовать, если власти не прислушаются к голосам тех, кому дороже всего украинская национальная идея. Похоже, что такого рода ценности в государстве, ставшем независимым, перестают играть роль стимулятора к уличным выступлениям, как это наблюдалось в период утверждения идеи суверенитета. И в Крыму, где русские составляют большинство, не более трети населения готовы к бурному протесту, даже если будут притеснения из-за языка, свободы непосредственных и информационных контактов с Россией.

Общегосударственные и региональные политико-культурные проблемы, судя по всему, отходят на второй план на фоне общих для всех экономических трудностей. Лишь в Закарпатье менее половины опрошенных полагают, что исчезновение с прилавков основных продуктов питания заставит население «выйти на улицу», тогда как двое из трех крымчан, трое из пяти киевлян и каждый второй житель Львовской области ожидают взрыва. И хотя не все они готовы лично поддержать эти массовые выступления, следует со всей серьезностью отнестись к такого рода прогнозным оценкам. Второй по значимости причиной возможных массовых волнений во всех регионах являются темпы роста цен. Около трети опрошенных во всех регионах, кроме относительно спокойного Закарпатье, предвидят возможность социального взрыва из-за того, что будет заморожена заработная плата. Жители городов крайне опасной считают остановку городского транспорта и прекращение отопления квартир. И наконец, многие готовы бурно протестовать, если наступит беспредельный разгул преступности.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что в мнении большинства населения крупных регионов Украины укоренилось представление о том, что продолжение существующей экономической практики, когда цены лавинообразно растут, а ассортимент товаров и продуктов ухудшается, приведет к социальному взрыву, в котором не выразили готовность лично участвовать лишь около трети опрошенных в Закарпатье, четверть – в Львовской области, пятая часть – в Киеве и только один из десяти опрошенных в Крыму. В этих условиях реальное замораживание заработной платы может стать в ближайшие месяцы детонатором социального взрыва, если при этом не добиться снижения цен и расширения ассортимента товаров.

Находясь между двумя реальными и нелегкими альтернативами выхода из экономического тупика – попытки стабилизировать экономику путем замораживания заработной платы после шокового повышения цен или ускорения экономической реформы путем обвальная приватизации и максимального стимулирования предпринимательства, правительство должно учесть, что вариант ускоренного внедрения реформ лишь по мнению одного процента опрошенных может вывести людей «на улицу», тогда как дальнейшее торможение реформ вызывает готовность к бурному протесту в десять раз чаще.

Судить о том, какую форму могут принять массовые акции социального протеста, можно по результатам ответа на вопрос об отношении населения к различным акциям протеста (таблица 12).

Таблица 12. Процент жителей различных регионов Украины, поддерживающих те или иные акции социального протеста

Формы протеста	Регионы			
	Закарпатье	Львовская обл.	Крым	Киев
Критические выступления в прессе	55	72	64	67
Законные митинги и демонстрации	44	64	68	57
Сбор подписей под коллективными воззваниями	39	60	53	40
Участие в предвыборных кампаниях	41	59	48	34
Угроза забастовки	16	35	41	27
Бойкот (отказ от выполнения решений органов власти)	14	21	35	24
Несанкционированные митинги и демонстрации	8	12	21	19
Пикетирование государственных учреждений	11	21	24	19
Голодовки протеста	7	17	16	17
Незаконные забастовки	8	9	16	12
Захват зданий	7	7	9	8
Создание незаконных вооруженных формирований	8	15	9	7

Как видно, большинство населения всех регионов отдает предпочтение легитимным формам социального протеста. В данном исследовании подтвердилась обнаруженная нами ранее общая для Украины тенденция: чем более экстремистский характер носит акция социального протеста, тем меньшей поддержкой населения она пользуется. Следовательно, вероятность того, что массовый социальный протест приобретет противозаконные формы в ближайшее время и повлечет разгул экстремизма и анархии, невелика. Значительно больше оснований ожидать широкого распространения таких форм протеста, как законные митинги и демонстрации, угроза забастовок, сбор подписей под воззваниями. Что касается региональных различий в отношении к акциям протеста, то заметно выделяется более пассивная позиция населения Закарпатья, а также более весомая поддержка, чем в других регионах, бойкота в Крыму и незаконных вооруженных формирований – в Львовской области.

В целом же, данные исследования свидетельствуют о том, что при высокой готовности к участию в акциях социального протеста, при явном доминировании среди причин, побуждающих к протесту, ущемления насущных жизненных интересов людей, большинство населения сохраняет здравый смысл и выдержку, которые позволили Украине пережить без массовых социальных взрывов последние весьма нелегкие годы и которые вселяют надежду на дальнейшую мирную перспективу.

Особый интерес для развития правозащитного движения в Украине представляет категория людей, готовых к решительному протесту, если начнутся нарушения прав человека и политических свобод. Хотя эти люди составляют около четверти опрошенных, сам факт существования значительной части населения, не желающей мириться с возвратом к тоталитаризму, является важным свидетельством как перспективности развития самого правозащитного движения, так и его шансов на успех в общесоциальном масштабе. Причем, среди потенциальных правозащитников чаще, чем в среднем по выборке, встречаются представители наиболее социально активных слоев населения: техническая и гуманитарная интеллигенция, молодежь, жители крупных городов, руководители предприятий и учреждений, квалифицированные рабочие. Такая структура правозащитного потенциала общества является благоприятным фактором его демократического развития.

Заключение

Подводя итоги, можно определить ряд направлений правозащитной теории и практики, связанных с ближайшей перспективой развития демократической культуры общества и личности:

- пропаганда незамедлительной приватизации земли, жилья, мелких и средних предприятий, что, с одной стороны, подорвет безусловное владычество над обществом бюрократии социалистического типа, а с другой, – вовлечет в процесс радикального реформирования значительную часть населения, способствуя повышению ее политической активности, компетентности и эффективности;

- привлечение к разработке стратегии защиты прав человека в Украине наиболее компетентной и демократически ориентированной части научной, творческой и управленческой интеллигенции и обеспечение разработчиков посредством организации социологического мониторинга необходимой информацией о динамике ситуации в сфере защиты прав человека и развития массового сознания;

- ориентация теории правозащитного движения на создание предпосылок для преодоления массового стереотипа безуспешности в защите прав и интересов гражданина, правового невежества и экстремизма большинства населения;

- осуществление постоянного контроля за деятельностью правоохранительных органов в сочетании с действенной помощью им в преодолении сложившегося в массовом сознании образа «коррупцированного закона и его стражей»;

- организация массовых правозащитных движений, способных охватить значительную часть потенциальных правозащитников, которые готовы к активным действиям протеста при нарушении прав человека и ущемлении политических свобод;

- пропаганда национальной и социально-классовой толерантности как единственной возможности избежать социального взрыва и гражданской войны в условиях жесточайшего социального кризиса;

- утверждение свободы (слова, передвижения, совести и т. д.) как абсолютной и непреходящей ценности, во имя которой общество способно пережить трудности посттоталитарного развития;

- укрепление имиджа украинского государства как единого дома для всех, кто в нем проживает, открытого для всесторонних контактов, но прежде всего для контактов со своими ближайшими соседями, от мира в доме которых в первую очередь зависит и мир в собственном доме.

- всемерное содействие созданию как можно большего числа гражданских объединений демократической направленности, руководствуясь принципом «кто кого»: этатистски ориентированное посттоталитарное государство или демократически ориентированное гражданское общество.

P.S. Когда работа над докладом была завершена, и авторы считали свою миссию по теоретическому осмыслению проблем правозащитного движения в Украине выполненной, произошли события, которые являются серьезным предупреждением об опасности воспроизводства тоталитарных «повадок» в отношении властных структур к человеку и его правам. 6 февраля 1993 года в газете «Киевские ведомости» была опубликована статья О.Карпухиной «У нас разгон менял называют валютным регулированием. Хотя это больше похоже на разбой». Приведем выдержку из этой статьи, свидетельствующую о грубейших нарушениях конституционных прав людей органами внутренних дел столицы Украины, пренебрежением действующим законодательством при задержании и личном досмотре граждан: «Как нам стало известно, в выходные дни из-под ЦУМа забрали всех присутствующих. Вместе с долларами, купонами и какой-либо другой валютой. И не только профессиональных менял, но и случайных граждан. Кем было санкционировано «прочесывание территории», нам выяснить не удалось. Однако со слов постовых милиционеров стало известно, что они вправе обыскать любого, кто вызывает подозрение, забрать валюту и карбованцы, если таковые имеются в кармане, без специальной санкции прокурора. Хотя эксперты-юристы утверждают, что право на досмотр имеет следователь, ведущий уголовное дело, причем, в течение 24 часов он должен поставить об этом в известность прокурора».

Практика незаконного задержания методом массовых облав и противозаконных личных досмотров граждан независимо от того, какими целями руководствуются власти, является шагом к созданию полицейского государства и возврата к тоталитарным порядкам, когда права человека регулирует не закон, а произвол карательных органов, опирающихся в своей антиправовой деятельности на разного рода устные и тайные инструкции, а в конечном счете на бесправие населения и пренебрежение правами человека со стороны государственных органов и их руководителей на всех уровнях. Правозащитное движение должно со всей серьезностью и ответственностью отреагировать на этот конкретный случай нарушения прав человека, чтобы предотвратить возможность превращения подобной практики в систему беззакония и произвола с последующей реставрацией тоталитарного государства.

РЕЛІГІЙНЕ ЖИТТЯ

Ідея автокефалії і сучасність

Мирослав Маринович

Наш час можна з певним наближенням охарактеризувати як час впертого заземлення високих ідей. Інерція більшовизму виявилася настільки великою, що ми все ще приміряємо не так свої вчинки до високих ідей, як високі ідеї – до себе. Часто це пояснюється благородною метою, мовляв, українці завжди витали в хмарах і через те втрачали незалежність. Тож тепер, зводячи стіни нової хати, нам треба прийняти правила гри і «прив'язати проект до реального ландшафту». Що ж, нема слів: хату на курячих ніжках сьогодні не збудуєш. Але будівля «тверезих реалістів» останнім часом захиталася й собі, що принаймні мене особисто переконує, що момент гармонії небесного і земного, ідеалістичного та практичного нами досі не знайдено.

Все сказане можна прикласти й до процесу становлення української православної автокефалії. Це прав-

да, що в історії Церкви важко знайти приклад надання автокефалії без непорозуміння і болючих конфліктів. У такі історичні моменти голосно промовляє *земне* в природі Церкви, а точніше – земне в природі людини. Але здається мені, що в кожному прагненні відокремитися була протестна ідея, був чистий струмінь духу, що перетворював руйнацію в становлення, а кризу в катарсис. Очищений люд приймав високу ідею, *піднімаючись* своїм духом до її вершин.

У своїй доповіді мені хотілося б сформулювати ті проблеми, які, на мою думку, роблять українську ситуацію не такою оптимістичною.

1. Пошук релігійної ідентичності

Сьогодні всіх нас, незалежно від конфесійності, цікавить питання: чи маємо ми право говорити про українські форми християнства? А якщо взяти вужче, то чи є українське православ'я органічною формою української релігійності, чи має воно власне обличчя як окрема Помісна Церква християнського Сходу, чи приречене бути лише тьмяною планетою, що відбиває сонячний блиск російського православ'я?

Інтуїція й історична пам'ять народу спонукають дати чітку ствердну відповідь. Українська земля, без сумніву, мала власне християнське обличчя. Але протягом не одного століття наш національний відгук на виклик світу постійно обривався, і у зведеному християнському хорі ми часто змушені були співати з чужих нот. Отож відшукати свою оригінальну вокальну партію в партитурі християнського багатоголосся стає завданням українців щоразу, як тільки вони здобувають собі незалежність.

Знайти свою ідентичність методологічно означає потребу визначити, чим «наше» відрізняється від «чужого». Але допоки існують люди з усіма їхніми слабостями, доти таке розмежування обов'язково матиме ще й негативний відтінок: «наше» – краще, мудріше, вище, а «чуже» – гірше, примітивніше. Такою є перша реакція людини, бо так уже заведено в цьому світі, що першими прочинаються ті широкі ворота, які, як відомо, не ведуть до життя. На жаль, не стала тут винятком і доля Української автокефальної православної церкви.

Вже перші ворожі щодо УАПЦ кроки з боку Московського патріархату каналізували енергію автокефального руху головним чином у негативістське русло. Свідомо чи не свідомо, вимушено чи невимушено, але агітація серед віруючих за перехід до українського православ'я велася через пояснення одвічної ворожості Росії щодо українського духу, через викриття імперського характеру російського православ'я, через роз'ятрування історичних кривд і ран, завданих українській церкві «Третім Римом».

Немає слів: усе це правда. Але така тактика, на мою думку, не пройшла психологічної експертизи. Не всі віруючі були психологічно готові до цього переходу. Багато із них таке спрямування автокефалії сприймало як очорнювання святинь. Вони відмовлялися бачити одну лиш чорноту в тій Церкві, в лоні якої так давно перебували і до якої несли всі дари свого вистражданого серця. В результаті пішло поміж віруючими велике й недобре сум'яття. В автокефалії додалося друзів, але й запеклих ворогів, натхнених переконаністю, що вони захищають «істинне православ'я».

Так агітація ЗА українську церковну автокефалію щораз більше перетворювалася в агітацію СУПРОТИ російського православ'я. Прагматик різниці у цьому не помічає. Він звик миритися з тим, що ворожнеча править світом. Він приймає це правило й прилаштовує до нього свою тактику. Однак змінити закони духу йому не під силу. Бо як би довго не тривав період, протягом якого Зло руйнує храми Духу (що і сприймається людьми як панування законів Зла), все ж настає момент, коли Дух оживає, і в сьайві відродженого храму особливо жалюгідний вигляд має підсліпувата «тверезість» прагматиків.

З усього сказаного випливає, що якби українська автокефалія *відбулася*, якби вона стала не АНТИросійською, а НЕросійською, тоді самою своєю неподібністю на інші православні Церкви вона довела б своє право на існування. Але допоки в окреслених автокефальних межах бракує живого вогню віри, а острівці християнської любові продовжують бути лише острівцями, головним завданням і далі буде вести затяжної на всьому круговому фронті. Чи будуть вони успішними? Я особисто залишаюся песимістом, доки автокефалія не «знайде себе». Адміністративні «обручі» в Церкві є лише допоміжним засобом її становлення. Головним і первинним є християнський дух, містичне тіло Господнє. Іншими словами, національна форма не може підмінити собою християнський зміст.

2. Проблема спадщини

Спершу одна аналогія. У Галичині в системі освіти рік тому набрав сили рух за те, щоб перевести російську літературу в категорію іноземної, відповідно зменшивши кількість годин, і тим самим відгородитися від її русифікаторського впливу. Що ж, інерцію русифікації подолати нелегко. Однак серед інших хиб такого «ізоляціонізму» є одна дуже важлива: переводячи російську літературу в категорію іноземної, ми тим самим зрікаємося своїх прав на неї і перетворюємо російський народ у єдиного спадкоємця цієї літератури. Так «не нашими» стають Гоголь і Бердяєв, «чужим» стає все, що перенесли в російську культуру «хвилі просвітництва», які йшли з України і вносили в культуру метрополії виразні особливості української ментальності. Зрештою, про це так багато і влучно говорить Євген Сверстюк, що мені хіба послатися на його свідчення.

Щось подібне можна підмінити і в сучасних церковних процесах. Прагнення ізолюватися від руйнівського впливу Російської Церкви приносить нам не одні лиш блага. Та Російська Церква, яка існує тепер, фор-

мувалася на київській матриці, а хвилі духовного просвітництва з України накочувалися на імперську Росію зовсім не рідше, ніж у сфері світської культури. Наш ворожий ізоляціонізм приведе до того, що всі духовні й мистецькі надбання, які асоціюються світом з поняттям «Росія» до Української церкви не матимуть якоїського відношення. А ми будемо приречені тільки мучитися від несправедливості світу й безсило переконувати його, що він помиляється. І чим зліше, чим ворожіше щодо Росії ми це робитимемо, тим менше в очах християнського світу заслуговуватимемо на звання спадкоємців київського благочестя.

Наше право на «первородство» світ визнає тільки тоді, коли на берегах Дніпра спалахне не нове вогнище міжконфесійних чвар, а нове вогнище християнської культури. І нову церкву охоче визнають у християнському світі лише тоді, коли вона скаже в ньому справді *нове* слово. А станеться це, коли церква, поперше, відтворить свою органічну, притаманну тільки їй природу, а по-друге, правильно визначить тенденції часу в тому світі, в який хоче увійти.

3. Перспективи української церковної автокефалії

Сьогодні з усією очевидністю можна сказати, що головною тенденцією нашого часу є екуменізм. Правда, з плином історії це слово обросло такими стереотипними схемами, що ним уже неможливо послугуватися без застережень. Тому уточню, що під словом екуменізм я маю на увазі не ті чи інші економічні моделі, розроблені конкретними церквами, а саме прагнення церков знайти формулу свого об'єднання. Сьогодні «добрим тоном» у світі є не підкреслювати, чим церкви *різняються* між собою, а відшукати, що в них є *спільне*. Щораз популярнішою стає думка, що церкви не стільки суперечать одна одній, скільки взаємно себе доповнюють.

Дерево християнських церков розгалужувалося довго і болісно. Екуменізм не можна уявити собі так, що якогось дня гілки того дерева зростуться в один жмуток і далі ростимуть одним стовбуром. На мою думку, це суперечило б законам еволюції. А вони передбачають іншим вихід: на *кожній* гілочці формується плід, який містить у собі *ідею єдиного дерева*. Так у лоні кожної церкви має визріти потреба в єдності, усвідомлення такої єдності у множинності форм. Кожна церква має усвідомити, що без такого прагнення до гармонії гілка її буде безплідною.

Отож, намагання української автокефалії *відрізнити* себе від російського православ'я, сепаруватися від нього, опиняється у протифазі зі світовими тенденціями, вимагає від церкви «гребти проти течії». Треба уточнити, що це зовсім не те протиставлення себе злій ентропійній течії, яка відносить тебе в небуття. Скоріше навпаки, будуючи церкву на негативізмах (Москва – ворог, Рим – ворог), дуже скоро виявиш, що збудував її на піску.

У глибинній природі Української церкви ворожнечі нема. Київська церква св. Володимира була *дорозкольною* і шанобливою як до Візантії, від якої взяла обряд, так і до Риму. Історія нашої церкви повна свідчень, як довго їй вдавалося протистояти ворожнечі й уникати необхідності ставати на чийсь бік. Московське християнство, навпаки, *порозкольне*, а тому виразно антикатолицьке. Ось чому наше справжнє християнське обличчя ніколи не буде відновлене, допоки на ньому виднітимуть гримаси ненависті як до католиків, так і щодо православних (московських чи взагалі православних). Тут важливим є не *спрямування* ворожнечі, а сама *наявність* ворожнечі.

Отож, якщо справедливе таке бачення сучасного світу і нашої історії, то можна сформулювати остаточний висновок. Українська автокефальна православна церква має сепаруватися не стільки від російського православ'я як такого, скільки від тих імперських, нехристиянських пут, якими воно (і ми разом із ним!) так довго були обплутані. Українська церква має перекрити в собі ті канали, якими циркулювала дотепер зла енергія ворожнечі. Сучасний зміст ідеї автокефалії, на мою думку, може бути лише один: *відокремитися не для того, щоб примножити ворожнечу, а відокремитися від ворожнечі, щоб примирити розсварених і примножувати любов*.

*Доповідь на конференції «Українське православ'я: історія, сучасність, перспективи»
Київ, 25-27.06.1993р.*